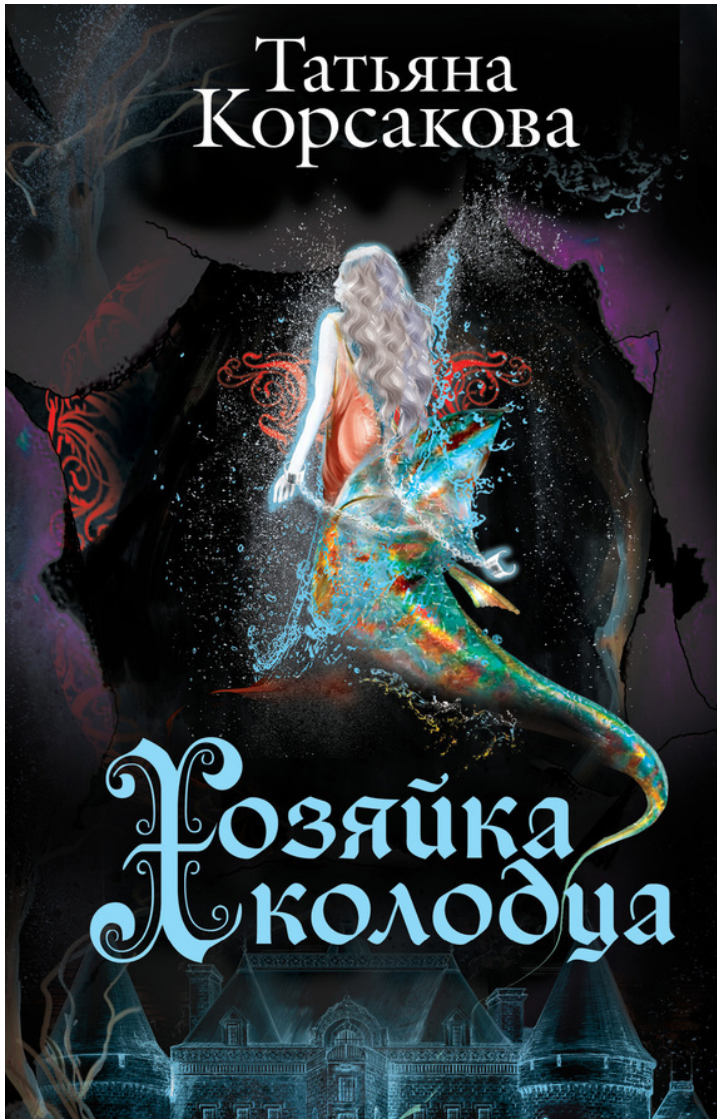

Татьяна
Корсакова

Хозяйка
колодца

Татьяна Корсакова

Хозяйка колодца

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6607165

Хозяйка колодца / Татьяна Корсакова: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-69406-8

Аннотация

Есть в густом яблоневом саду старинный колодец. Даже в самый жаркий день местные жители не приходят к нему за водой. Рассказывают, что, если заглянуть в почерневший от времени сруб, можно увидеть ее – призрачную деву, хозяйку. Говорят также, что она охраняет сокровища старого графа, сокрытые на дне колодца. Причем так хорошо, что их до сих пор никто не достал. Всех же, кто пытался к сундуку подступиться, находили мертвыми... Строго следит хозяйка за своим золотом.

Татьяна Корсакова

Хозяйка колодца

© Корсакова Т., 2014

© Оформление. ООО Издательство Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

– Эх, дороги, пыль да туман... – Лешка Сотников, для друзей просто Сотник, зычным басом заглушал рев мотора. – Холода, тревоги да степной бурь-я-я-ян!

Стас Морганский, для друзей просто Морган, пытался удержать джип на ухабистой и в самом деле пыльной проселочной дороге и лишь изредка поглядывал на вошедшего в раж товарища.

– Знать не можешь доли своей – может, крылья сложишь посреди степей...

Вот тут Морган был полностью согласен с Сотником: может, и не крылья, а колеса – запросто! И про долю тоже был согласен. Могли ли они с Сотником еще неделю назад предугадать, что у их скромной строительной фирмы появятся такие ошеломительные перспективы. Что, возможно, наступившее лето они проведут не в душном городе, а на вольной воле, у Христа за пазухой, как поэтично выразился романтик Сотник.

Тот знаменательный день Морган помнил в малейших деталях, тем более что и вспоминать было особо нечего. И в личной, и в профессиональной жизни образовался мертвый штиль. Морган скучал в опустевшем по случаю грядущего уик-энда офисе и лениво размышлял, как бы получше распорядиться своей молодецкой удачей в ближайшие выходные, когда дверь кабинета с грохотом распахнулась. Он усмехнулся, лениво потянулся, прислушиваясь к подозрительному хрусту в позвоночнике. Только один человек вел себя в конторе так шумно, если не сказать буйно.

– Рота, подъем! – с порога рывкнул Сотник, в два шага преодолел разделявшее их пространство и рухнул в кресло.

Антикварное кожаное кресло, которое Морган, почитай, на собственном горбу пер с городской свалки, а потом своими собственными руками перетягивал, реставрировал, доводил до ума, возмущенно скрипнуло, но устояло под напором двадцатикилограммовой туши Сотника.

– Еще не ушел? – Сотник пригладил косматые, не подда-

ющиеся окультуриванию вихры, с многообещающей многозначительностью посмотрел на Моргана.

– Почти, – Морган по-ковбойски закинул ноги на стол. Секретаршу Анну Илларионовну, истинную леди пятидесяти пяти лет, он отпустил домой еще час назад и теперь мог позволить себе вот такие маленькие вольности большого босса. – А ты что тут делаешь? Ты же вроде как собирался на рыбалку.

Сотник был заядлым рыболовом. Активному отдыху предпочитал многочасовое сидение в камышах с удочкой наперевес. Он числился почетным членом самого известного в городе рыболовного клуба и однажды даже занял третье место в соревнованиях по подледному лову, о чем не упускал случая рассказать всем желающим. Новых подвигов в рыболовном списке Сотника не прибавлялось, а желающих с каждым разом становилось все меньше, поэтому Морган, как бизнес-компаньон и лучший друг, должен был выслушивать рассказ про «ту чумовую рыбалку» уже по десятому кругу.

– Собирался. – Сотник мечтательно улыбнулся, поскреб внушительное пузо. – И мы таки поедем этим летом на рыбалку, дорогой мой человек! Морган мой ненаглядный! Если повезет, все лето будем наслаждаться отличным клевом.

– Это без меня, дорогой мой человек! – замахал руками Морган и, воровато покосившись на дверь приемной, вытащил из ящика стола пачку сигарет.

Сигареты истинная леди Анна Илларионовна любила еще

меньше, чем сидение в ковбойской позе, и Морган, который немного робел перед своей интеллигентной и рафинированной секретаршей, в офисе старался не курить. Он вообще старался курить по минимуму, лишь в исключительных случаях, но в глазах Сотника горел такой особенный огонь, что сразу становилось ясно – исключительный случай вот-вот наступит.

– Лето с удочкой в руках... – Он щелкнул зажигалкой, с наслаждением затянулся. – Это за что же мне такое наказание?

– Это не наказание, – Сотник потянулся за пачкой сигарет, антикварное кресло снова издало тоскливый стон. – Это заказ, Морган! Отличнейший, крупнейший заказ! Помнишь озеро? – спросил он, зажимая сигарету зубами, но так и не прикуривая. – Ну, то самое, на котором мы с тобой рыбачили прошлым летом.

Морган помнил. Озеро было большое, красивое, по форме напоминающее сильно вытянутый в длину эллипс. Кажется, Сотник говорил, что расстояние между самыми дальними берегами составляет восемь километров, а в самом узком месте озеро было метров пятьдесят шириной. Добрая половина прибрежной озерной территории была занята коттеджным поселком, застроенным дачами разной степени давности и крутизны. Один из таких дачных домиков прошлым летом они сняли на целую неделю, чтобы Сотник смог насладиться рыбалкой, а Морган просто покупаться и отдохнуть

от городской суеты.

– Я помню, – Морган кивнул. – Так что там с заказом, дорогой мой человек?

– До чего ж ты меркантильный! – друг сокрушенно покачал головой. – Я тебе про рай на земле, а ты мне про заказ. Отличный заказ, – сказал он после драматичной паузы. – Дураками будем, если зубами, когтями не вцепимся в него. Фамилия Яриго тебе что-нибудь говорит?

Моргану даже думать не пришлось. Фамилию эту знал любой мало-мальски деловой человек, да и не деловой тоже, потому что носитель этой фамилии был персоной весьма известной. Влас Павлович Яриго – владелец заводов, газет, пароходов. Вернувшийся на родину эмигрант, чудака, отшельник и при этом акула бизнеса, каких еще поискать.

– Он потенциальный заказчик? – у Моргана аж между лопатками зачесалось от такой новости.

– Прикинь! – Сотник хлопнул ладонями по подлокотникам кресла. – Сам в шоке! Димку Савельева, надеюсь, не забыл?

Дмитрия Савельева, историка русской литературы, скромно именовавшего себя профессором русской словесности, Морган помнил отлично, ибо профессор всем своим видом опровергал представление обывателя о том, как должен выглядеть ученый муж. Во-первых, Дмитрий Савельев был молод, годков тридцати пяти от роду, не больше. Во-вторых, выглядел не то что чинно и строго, а вовсе даже

неформально. На память тут же пришли драные джинсы, изрядно вытянутая и полинявшая футболка с эмблемой «Металлики», стянутые в хвост жидкие волосы и серьга в ухе. Не профессор, а пират! Или хиппи, на худой конец. И водку, помнится, профессор русской словесности употреблял с душой, со славянским размахом, а потом пел под гитару романсы вперемежку с балладами той самой горячо любимой им «Металлики».

– Дача у него на Левом берегу, – Сотник покивал каким-то своим мыслям. – То бишь на барском берегу.

Про берега Морган тоже кое-что помнил. Из-за вытянутой формы озеро походило на реку и вроде как имело левый и правый берег. На левом, барском, находился коттеджный поселок, а правый был девственно чист, почти не осквернен людским присутствием. Кажется, где-то там, неподалеку от правого берега, имелась деревенька, и что-то там Сотник говорил про колхоз, который в далекие советские времена был миллионером, надеждой и опорой партии, но сам Морган на правом берегу никогда не бывал, поэтому представление о деревеньке и колхозе имел весьма смутное.

– Так вот, у Димки Савельева дача на Левом берегу. Досталась ему еще от папеньки, тоже профессора каких-то там наук, – вел свой неспешный рассказ Сотник. – Дачка неплохая, я тебе скажу, но староватая, построенная в начале девяностых, когда Левый берег еще только обживала всякая научная и творческая элита. Соседи у Димкиных родичей тоже

все сплошь были профессора, академики, актеры больших и малых драматических театров. А пару лет назад началась движуха и великое переселение народов. Земля на Левом берегу взлетела в цене до заоблачных высот.

– А на Правом? – поинтересовался Морган.

– А на Правом все принадлежит колхозу и отчего-то не продается. Не вникал я, если честно, что там с Правым берегом, – отмахнулся Сотник. – Я сейчас о другом. Землю и дома у научной элиты стала по-тихому скупать бизнес-элита.

– Яриго купил?

– Купил! Домик как раз рядом с Димкиной дачей. Купил, сразу же снес домик к чертям, отстроил новые хоромы в два этажа, а к Димке начал захаживать в гости, по-соседски, так сказать. Димка говорит, что мужик он неплохой. Не без своих тараканов, конечно, но кто сейчас без тараканов! Радеет наш Влас Палыч за отечество, Россию-матушку любит всем своим буржуйским сердцем, собирается возродить сельское хозяйство на отдельно взятой территории.

– Колхозной? – уточнил Морган.

– Надо думать, – Сотник пожал плечами. – Но для нас, друг, не это важно. Для нас важно, что параллельно с возрождением Яриго собирается строить. Много и масштабно.

– Что конкретно? – зуд между лопатками сделался совсем уж нестерпимым.

– Животноводческий комплекс, – Сотник принялся загибать пальцы, – свиноферму, коровник. Рядом заводик по пе-

переработке, пардон, коровьего дерьма в высококачественные и экологически чистые органические удобрения. О птицефабрике, кажется, тоже задумывается. Короче, масштабно мыслит мужик!

– И весь этот зверинец он планирует организовать на Левом берегу?

– Нет, ты что! – Сотник сделал страшные глаза. – В чистом поле, в паре километров от деревни. Все по-европейски: надежно, экологично, качественно, дорого. Сечешь?

– Секу.

– Димку наш миллионер-русофил полюбил как родного. Советуется с ним в вопросах, касающихся благоустройства и окультуривания русской глубинки. И Димка, дружок дорогой, не растерялся, вспомнил, что есть у него товарищи, подвизавшиеся на строительстве.

– Мы с тобой, – Морган понимающе усмехнулся.

– Не безвозмездно, конечно, Димон про нас вспомнил. Сам понимаешь, одной лишь русской словесностью сыт не будешь и дачку на Левом берегу не прокормишь.

– Понимаю, – Морган кивнул, закурил вторую сигарету. – С этим разберемся. А насколько все серьезно у миллионера-русофила?

– Вот в следующую субботу и узнаем! Яриго приглашает нас с тобой в гости на предварительное, так сказать, собеседование, но Димка говорит, что контракт, считай, уже у нас в кармане.

– Ой ли? Как-то все подозрительно быстро и просто, – Морган глубоко затынулся, взъерошил волосы. – Ты же сам понимаешь, какие там деньжищи. А он бац – и отдает заказ первым встречным пацанам из далеко не самой раскрученной фирмы. Попахивает бесплатным сыром, дорогой мой человек...

– Ну, во-первых, мы не первые встречные, нас ему рекомендовали.

– Профессор русской словесности, который выглядит, как панк! – Морган приподнял брови.

– Ты еще не видел, как выглядит сам Яриго, – парировал Сотник. – Не одежда красит человека, а человек одежду. А во-вторых, наш будущий работодатель далеко не дурак. Уверен, он уже навел справки и разведал все наши грязные тайны.

– У нас нет грязных тайн.

– Вот именно! Мы чисты, как слеза младенца! А кроме того, молоды, энергичны и не станем ломаться, если он предложит не самую высокую цену. Послушай, Морган, если Яриго пригласил нас в гости, значит, какие-то колесики в его голове закрутились-защелкали. Мы ведь не откажемся? – Сотник прикурил наконец сигарету, пристально посмотрел на Моргану сквозь дымную кисею.

– Конечно, мы не откажемся! Попытка не пытка!

Попытка не пытка... И вот они уже скачут на джипе

Моргана по сельским колдобинам, рискуя потерять колеса и подвеску. А все потому, что Сотнику захотелось посмотреть на Правый, пролетарский берег озера. Самому посмотреть, Моргану показать красоту и размах русской глубинки. На все его причитания и стоны Сотник открещивался:

– Мы же не ищем легких путей, дорогой мой человек. И опять же, кто-то должен провести разведку местности, присмотреться.

– У нас еще нет заказа. Зачем нам разведка местности? К чему присматриваться?..

Джип подпрыгнул на ухабе, Морган чертыхнулся.

– Нет, так будет, – Сотник невозмутимо улыбнулся. – Вон там впереди, за кустами, кажись, поворот. Там и будет Правый берег.

– Правый берег?..

– Здешняя деревня так называется. А ты не знал? Справа, значит, деревня, а левее, почти к самому озеру, спускается яблоневый сад. Димка говорил, что сад огромный, но одичавший. Через него идет грунтовка, по ней можно выехать к дачному поселку. Видишь? – он постучал пальцем по экрану навигатора. – Вот тут правый берег плавно переходит в левый. А вот этот домик на границе двух берегов – хатка местного головы. Умный мужик этот голова, правильное место жительства выбрал. Вроде бы и не с левыми, и не с правыми, но в то же время и те и другие под рукой и на глазах.

– А это что? – Морган скосил взгляд на никак не обозна-

ченное на навигаторе скопление построек.

– А это...

Договорить Сотник не успел. Его голос заглушил рев мотора, а из придорожных кустов, как черт из табакерки, прямо под колеса джипа вылетел мотоциклист. От смертоубийства несчастного идиота спасли лишь реакция и водительский опыт Моргана. Джип повело на проселочной дороге, непристегнутого Сотника швырнуло на лобовое стекло, а виновник едва не случившейся аварии даже не притормозил. Мотоцикл с издевательским ревом скрылся в клубах пыли.

– Вот падла! – Морган выровнял джип, втопил в пол педаль газа.

– Кто-то из местной золотой молодежи резвится, – Сотник потер ушибленный лоб. – Мотоцикл, кажется, «Ямаха». Не «Ява» тебе какая-нибудь пролетарская. Черт, больно... – Он с удивлением посмотрел на свои окровавленные пальцы. – Я из-за этого сучонка, кажется, себе бровь рассек. И хоть бы притормозил, поинтересовался, как тут простые смертные.

– Ничего, – Морган недобро усмехнулся. – Сейчас мы его догоним и спросим, какого черта!

– Правильное решение, хоть и нерациональное. – Сотник прижал ко лбу бумажную салфетку. – У сучонка небось папашка какой-нибудь олигарх или и того хуже – депутат.

– Плевать.

Морган бормотание друга уже почти не слышал, он выжимал из мотора все его лошадиные силы в твердом намерении

догнать и наказать. Их с Сотником детство и юность прошли в далеко не самом благополучном районе, и отвечать ударом на удар они привыкли с малолетства. И неважно, кем окажется папаша этого дебиленьша!

Мотоцикл, а это и в самом деле оказалась ярко-красная «Ямаха», они почти настигли на въезде в деревню.

– Давай, Морган! Жми! – орал Сотник, почти на полкорпуса высунувшись из окна джипа. – Врешь – не уйдешь! – грозил он кулаком в обтянутую кожаной курткой спину мотоциклиста.

Не уйдет. Морган знал это наверняка. Куда «Ямахе» тягаться с внедорожником!

Деревня с незатейливым названием Правый берег на первый взгляд была немаленькой, состояла из нескольких параллельно идущих улиц, одним краем сползала к яблонево-му саду, а другим уходила в чистое поле. Дряхлые деревянные избушки перемежались с добротными кирпичными домами, наверное, оставшимися со времен расцвета колхоза. Мимо пронесся обшитый сайдингом магазин с сидящими в теньке на завалинке местными аксакалами. Позади осталось одноэтажное кирпичное здание со стадионом и спортивной площадкой – сельская школа. Распугивая кур и греющихся на солнце собак, «Ямаха» вылетела на деревенскую площадь, выложенную потрескавшимися бетонными плитами, сделала резкий разворот у выкрашенного в уродливый фиолетовый цвет здания сельсовета, промчалась мимо памят-

ника вождю мирового пролетариата и скрылась в одной из убегающих от площади улочек.

Морган выругался, почти не сбавляя скорости, развернул своего железного коня и, обдав вождя мирового пролетариата облаком пыли, устремился вслед за мотоциклистом. Охотничий инстинкт и азарт погони подсказывали: скоро все закончится.

– Тут поаккуратнее, старик, – бубнил ему на ухо Сотник. – Не придави кого ненароком.

Прислушиваясь к доводам разума и советам друга, Морган немного сбавил скорость, не без удовлетворения замечая, что мотоциклист тоже притормаживает.

Когда «Ямаха», а следом и джип, проскочив улочку насквозь, подлетели к стоящей на отшибе избушке, стало ясно – погоне пришел конец! Мотор мотоцикла рыкнул в последний раз и заглох у покосившегося, почерневшего от сырости забора. Мотоциклист лихо спрыгнул с седла, сдернул с плеч рюкзак. Морган глушить мотор не стал, вслед за разгоряченным погоней Сотником спрыгнул на поросшую травой дорогу.

– Эй, сучонок! – рыкнул Сотник, многозначительно потирая кулаки. – Куда так спешишь? А поговорить с двумя сердитыми дядями?..

Мотоциклист развернулся к ним всем корпусом и досадливо махнул рукой – отвалите, дяди! Столько нетерпения и раздражения было в этом его жесте, что Морган в бешенстве

скрипнул зубами.

– Совсем золотая молодежь оборзела! – сказал Сотник почти ласково и так же ласково отшвырнул мотоциклиста от калитки. Этой ласки хватило, чтобы паршивец рухнул навзничь на землю. Если бы не шлем, то башкой приложился бы знатно, до сотрясения.

С той стороны забора звонко и зло залаяла собачонка, слышался дребезжащий старушечий голос:

– Жучка, ты чего это разошлась?..

– Вставай, засранец! – Сотник горой возвышался над поверженным врагом. – Разговоры разговаривать будем, правила дорожного движения повторять...

Договорить у него не вышло, мотоциклист, до этого неподвижный и беспомощный, ловкой подсечкой свалил Сотника на землю, с кошачьим проворством вскочил на ноги, метнулся к калитке. И успел бы, если бы Морган не поймал его за ворот куртки и легонько, для профилактики, не приложил шлемом об забор. От этих манипуляций парень как-то стразу обмяк, едва не повис на руке у Моргана. И в этой податливой мягкости, а еще в подозрительной гибкости и легковесности противника Моргану вдруг почудилось неладное, неправильное... Но проанализировать до конца эту мысль он не успел. С лязгом распахнулась калитка, под ноги ему, заливаясь лаем, выкатилась лохматая собачонка, а следом с воплями вылетела старушка с клюкой.

– Ироды! – Клюка взметнулась в воздух и, не увернись

Морган, непременно попала бы ему по плечу. – Ироды! Бандюки! Ату их, Жучка! Ату!

С радостным лаем собачонка вцепилась в штанину Сотника. Судя по растерянному лицу друга, толстую джинсовую ткань не прокусила, но на ноге повисла мертвой бульдожьей хваткой.

– Я участковому уже позвонила! – бабулька продолжала воинственно размахивать клюкой. – По сотовику позвонила. Вот прямо сейчас. А ну, отойди! – она коршуном накинулась на вконец растерявшегося Моргана. – Грабли свои убери от нее! Я кому сказала?!

– От кого? – Морган попятился, волоча за собой мотоциклиста. – Бабуль, вы чего?

– Пусти, паразит такой! А вот я тебе сейчас! – старушка снова замахнулась клюкой.

В этот самый момент мотоциклист вдруг извернулся, выпадая из своей куртки, и обутой в кроссовку ногой больно врезал Моргану по голени.

– Ах ты... – он рванул следом, но между ним и мотоциклистом, как наседка, раскинув в стороны руки, встала бабулька. – Марьяна Васильевна, да что же это такое?! – затараторила она, не пойми к кому обращаясь. – Может, и в самом деле участковому позвонить? Или сразу председателю? Что это за лиходеи такие?..

– Варвара Марковна, не нужно никому звонить, – черный мотоциклетный шлем глушил голос, но все равно Моргану

как-то сразу стало ясно, что там, за тонированным забралом, прячется вовсе не сучонок, а...

– Как там Алеша? – тонкие загорелые руки взметнулись к шлему, на левом запястье блеснул серебряный браслет.

– Твою ж дивизию... – ошалевший Сотник даже перестал дергать ногой с повисшей на ней собачонкой. – Морган, это же...

Теперь, когда мотоциклист сдернул шлем и небрежно, словно голову поверженного врага, насадил его на штaketину забора рядом с перевернутым вверх доньшком глиняным кувшином, стало очевидно, что перед ними не мужчина, а женщина. А вернее, еще совсем молоденькая девчонка.

Каштановые волосы, стянутые на затылке в конский хвост, прилипшая ко лбу челка, россыпь веснушек на загорелом лице и глаза цвета гречишного меда. Эти глаза были бы, наверное, даже красивы, если бы не метали молнии.

– Баба... – выдохнул Сотник и дернул ногой. Собачонка рыкнула сквозь стиснутые челюсти, но хватку не ослабила. – То есть мадам, – добавил он растерянно. – Или мадемуазель...

– Дайте мой рюкзак! – велела девчонка, сверля Моргана по-учительски строгим взглядом.

– Что?

– Мои вещи у вас, – она кивнула на куртку и рюкзак, которые Морган продолжал держать в руках. – Быстрее!

Что-то было в ее голосе, что-то такое, отчего Морган под-

чинился, протянул ей рюкзак.

— Благодарю, — бросила девчонка и обернулась к старушке: — Пойдемте, Варвара Марковна. — Она подхватила старушку под локоток, увлекла в распахнутую калитку.

Косматая собачонка, разжав наконец челюсти, облаяла Сотника и тоже нырнула во двор.

— Что это было? — растерянно спросил Сотник.

— Сейчас выясним, — прорычал Морган.

Баба она там или мадам, или и вовсе мадемуазель, но оставлять случившееся без внимания он был не намерен. Эта байкерша их подрезала, из-за нее они чуть не слетели в канаву, а потом повели себя совсем уж не по-джентльменски, потому что и подумать не могли, что под шлемом и кожаной курткой прячется мадам-мадемуазель. И вот теперь пусть она им объяснит, какая муха ее укусила и кто выдал ей права!

Дворик был маленький, чисто подметенный, с аккуратной поленницей березовых чурок, суетливыми курами и дремлющим на самом солнцепеке тощим котом. Распахнутую настежь входную дверь охраняла все та же собачонка. Сотник, не особо церемонясь, спихнул собачонку с крыльца и захлопнул дверь перед самым ее носом, отсекая обиженный лай.

В маленьких сенях был темно и прохладно, пахло чем-то незнакомым, деревенским. Морган толкнул следующую дверь, пересек небольшую комнату с печкой и застелен-

ным клеенкой столом, переступил порог жилой комнаты. Тут тоже пахло чем-то сладковато-пряным, деревенским, но к этому запаху примешивался еще один резкий – спирта и каких-то лекарств, а из-за задернутой шторы доносились странные свистящие звуки, как будто кто-то из последних сил надувал воздушный шарик.

– Тише, Алеша, тише. Все, я почти закончила. Сейчас пройдет... – в этом нежном, мурлыкающем голосе он не сразу узнал голос их недавней знакомой. Что там у них такое?..

Рывком Морган отдернул занавеску.

Мальчик лет шести, не больше, полусидел в кровати, со всех сторон обложенный подушками. Это он, маленький и худенький, издавал те странные звуки, дышал с натугой, до синевы в губах, до красных жилок в глазах. Девчонка стояла рядом с пустым шприцем в руке, с переброшенным через шею фонендоскопом. Она гладила мальчика по влажным от пота волосам, и от каждого ее прикосновения на его лицо возвращались краски. Бабулька стояла рядом, шептала что-то неразборчивое, Моргану показалось, что молитву.

– Вам что-то нужно? – спросила девчонка, не отрывая взгляда от мальчика.

– Нужно, – Морган кивнул.

– У Алеши бронхиальная астма. В последнее время приступы участились. Я договорилась насчет госпитализации, но в больницу его положат только на следующей неделе. Я спешила... – В ее голосе не было даже намека на извине-

ние, но, по крайней мере, она пыталась объяснить.

– Мы думали, вы пацан, – буркнул смущенно Сотник. – Ну, «Ямаха», прикид этот байкерский. Вы нас подрезали...

– Я торопилась. На объяснения не оставалось времени. – В голосе – вежливый лед, спина напряжена.

Она спешила...

А они такие звери...

– Как ваша голова? – поинтересовался Морган, памятуя о той силе, с которой приложил девчонку об забор.

– Спасибо, со мной все будет хорошо. А как вы себя чувствуете? – Она наконец обернулась, но посмотрела не на Моргана, а на Сотника.

– Это? – Он коснулся рассеченной брови. – Ерунда! До свадьбы заживет.

– Рану нужно обработать. – Она потянулась к стоящему на табурете пузырьку. – Позвольте, я гляну.

Она сама подошла к Сотнику, привстала на цыпочки, нахмурилась, разглядывая рану. На ее симпатичном веснушчатом лице мелькнуло что-то вроде раскаяния.

– Я не думала, что так получится.

Смоченной в спирте ваткой девчонка коснулась лба Сотника. Он со свистом втянул в себя воздух, но от стога мужественно воздержался.

– Зашивать не нужно, и это хорошо. – Она снова промокнула рану и тут же строго добавила: – Если бы вы были пристегнуты, ничего такого не случилось бы.

– Ничего такого не случилось бы, если бы кое-кто не носился как угорелый, – не без ехидства сказал Морган.

Девчонка бросила на него быстрый взгляд.

– Я уже извинилась.

– Разве? – Он недоуменно приподнял брови.

– По крайней мере объяснила.

– Объяснения принимаются. – Он позволил себе снисходительную улыбку. – Но мигалка вашей «Ямахе» не повредила бы. Или красный крест наклейте на нее, на худой конец.

– Больно умные, как я погляжу, – вмешалась в их разговор молчавшая до этого бабулька. – Много вы понимаете, как оно нужно! Небось эти, с Левого берега! – она презрительно поморщилась.

– Не с Левого берега, бабуля, не переживай! – усмехнулся Сотник, осторожно ощупывая наклеенный на лоб пластырь. – Мы так... заезжие.

– Оно и видно, что заезжие. – Старушка поправила одну из подушек, с тревогой посмотрела на притихшего, но дышащего относительно нормально мальчика. – Свои бы на Марьяну Васильевну с кулаками не кидались. – В ее скрипучем голосе послышался укор.

– Так откуда ж нам было знать, что она Марьяна Васильевна?! – Сотник развел руками. – На ней же имя-отчество не написаны, а гоняет она по-пацански. Если хотите знать, – он хитро посмотрел на девчонку, которая обрела наконец не только имя, но и отчество, – если хотите знать, мы подумали,

что это как раз вы с Левого берега.

– Я с Левого берега?! – в глазах Марьяны Васильевны появились лукавые искры. Искры эти расцветили ее и без того симпатичное лицо, сделав его совсем уж прекрасным. – Вы видели, какие тут дороги? – спросила она вдруг.

– Да уж...

– Вот! Дороги никакие, деревня большая. Это если не считать отдаленных хуторов. До самого дальнего километров тридцать. Как бы я, по-вашему, везде успевала?

– А вы медсестра, да? – Сотник тоже увидел эти искры, приосанился, расправил могучие плечи.

– Я врач, – сказала Марьяна Васильевна с едва заметной гордостью в голосе. – Сельский врач, – уточнила зачем-то.

На врача она не тянула ни возрастом, ни своей неформальной экипировкой. Что это за врач такой – в джинсах и футболке, да еще и верхом на «Ямахе»!

– А машина, что же, вам не положена? – вежливо поинтересовался Сотник.

– Машина... – опередила Марьяну Васильевну бабулька. – Видел бы ты ту машину, мил человек! Она же старше меня!

Морган усмехнулся. Во-первых, из-за того, что из иродов и бандитов их переквалифицировали в мил-человеков, а во-вторых, из-за того, что представил себе машину старше этой боевой бабульки.

– Может, кваску березового? А, ребятки? – старушка обвела их внимательным взглядом. – Жарища вон какая на

дворе!

– А спасибо, бабушка! Я не откажусь, – Сотник расплылся в улыбке. – Вы уж нас извините. – Он бросил быстрый взгляд на докторшу, так, что не поймешь сразу, у кого конкретно он просит прощения.

– Я, пожалуй, тоже выпью, – Морган подмигнул порозовевшему и явно повеселевшему мальчишке.

– Вам не советую, – сказала вдруг Марьяна Васильевна без тени улыбки.

– Это еще почему?

– Квас у Варвары Марковны очень вкусный, но с градусами. А вы, как я успела заметить, за рулем и ратуете за строгое соблюдение Правил дорожного движения.

Вот ведь язва! Морган понимающе улыбнулся.

– Ну, тогда я, пожалуй, пойду. Всего хорошего! – он кивнул бабушке. – Сотник, я у машины, – добавил сухо.

После сумрачной прохлады дома солнечный день казался нестерпимо ярким, и пить захотелось вдруг очень сильно. Морган нацепил темные очки, присел на завалинку рядом с джипом. Облаявшая их давеча собачонка теперь с вполне мирным видом сидела в сторонке, мела хвостом пыльную дорогу. Наверное, можно было попросить у хозяйки просто холодной воды, но возвращаться в дом не хотелось. Вдруг эта пигалица, Марьяна Васильевна, снова вздумает читать ему морали. Напиться воды можно и по дороге. Хоть один колодец по пути да найдут.

Из калитки вышел Сотник, опасливо покосился на собачонку, подмигнул Моргану.

– А народ тут гостеприимный. – Он взмахнул зажатой в руке двухлитровой пластиковой бутылкой. В бутылке что-то булькало. Морган даже знал, что. – Вот Варвара Марковна с собой налила. Славная бабулька, хоть и строгая.

– Не строже здешних докторов, – хмыкнул Морган, забираясь в джип.

– Это она по молодости и горячности. – Сотник плюхнулся рядом.

– Бабулька?

– Врачиха. Тут же, наверное, скука смертная, вот девка и забавляется. – Он снова потрогал свой заклеенный пластырем лоб.

– Теперь куда? На Левый берег? – Морган завел мотор.

– Давай! Тут дорога к озеру есть, через старый яблоневый сад. Попробуем срезать.

– На деревню смотреть не будем?

– А что на нее смотреть? Все самое интересное мы уже видели.

– Пить хочу, – пожаловался Морган, аккуратно объезжая брошенный посреди дороги мотоцикл.

– Квасок знатный! – Сотник с иезуитской улыбкой похлопал по пластиковой бутылке. – Жаль, что тебе доктор не велел.

– Тоже еще доктор, – Морган пожал плечами. – Небось

вчерашня студентка, а гонору! Ну, через сад едем?

Он решил сменить тему разговора, про докторов ему было неинтересно.

– Давай попробуем. – Сотник забросил бутылку с квасом на заднее сиденье, пристегнулся.

* * *

Яблоневый сад казался огромным. Стоило лишь джипу въехать в сень старых, искореженных временем деревьев, как у Моргана возникло стойкое ощущение, что весь окружающий мир утонул, растворился в сплетении ветвей, в густой зелени листвы. Даже вездесущее, нестерпимо яркое солнце сюда почти не проникало, лишь изредка прорывалось робкими лучами, чтобы тут же раствориться в густой тени.

– Как в ельнике. – Морган снял солнцезащитные очки, зашвырнул в бардачок.

В бору молиться, в березняке веселиться, а в ельнике удаться – вспомнилась вдруг не к месту дедова присказка. Здесь, в старом яблоневом саду, ощущение было вот именно как в ельнике в пасмурный осенний день. На сердце вдруг навалилась непонятная тоска.

– Да, невеселое местечко. – Похоже, даже неизменно жизнерадостный Сотник заразился вдруг необъяснимой меланхолией. – Вот, казалось бы, яблони – такие светлые деревья. Красотища же должна быть, а тут что же? Темень и декаданс.

– Так уж и декаданс, – усмехнулся Морган, аккуратно объезжая рытвину посреди поросшей травой грунтовой дороги. – Но сад странный, здесь вынужден с тобой согласиться. На месте здешнего головы я бы вырубил его под корень и засадил молодыми деревьями. Эти же и не плодоносят наверняка.

– Ну, не все такие рачительные, как ты, дорогой мой Морган. Кому-то упадничество милее нововведений. Кстати, ты, кажется, пить хотел? Вон смотри – колодец!

Колодец стоял в стороне от дороги под высокой, кряжистой яблоней. Здесь, в этом диком месте, он выглядел на удивление гармонично. Морган, жажда которого вдруг сделалась нестерпимой, заглушил мотор, спрыгнул в высокую, едва ли не по пояс траву. Следом выбрался Сотник.

– Сюда бы косу, – сказал он, засовывая в рот сорванную травинку. – Нет, что ни говори, а хреновый тут хозяин. Земля простаивает, деревья умирают, трава вон пропадает некошенная. – Он хотел еще что-то сказать, но замолчал, прислушиваясь.

– Морган, слышишь?

Он слышал. Вплетаясь в стрекот цикад, до них доносился едва различимый перезвон колокольчика.

– Трава не пропадает, – сказал он. – Коров тут точно пасут.

Словно в подтверждение его догадки, откуда-то издалека послышалось протяжное мычание.

– Есть жизнь на Марсе! – с непонятым удовлетворением констатировал Сотник. – Ну, пойдем, посмотрим, что тут у них с водой!

Колодец был старый, с вросшими в землю замшелыми каменными стенами. Высотой он доходил Моргану до пояса. Тут же, прямо на земле, посреди травы стояло обитое железными ободами ведро, прикованное цепью к вмурованному в колодезную стену кольцу.

– Очень предусмотрительно, – хмыкнул Сотник, переворачивая ведро кверху дном и вытряхивая из него сухие листья. – А это что такое?

Он поддел ногой убегающий от колодца и теряющийся в густой траве проржавевший железный желоб.

– Похоже на поилку для скота, – предположил Морган.

Он присел на корточки, пошарил рукой в траве, пытаясь понять, соединен ли желоб с колодцем или наполнять его нужно с помощью ведра. Рука наткнулась на что-то острое, Морган чертыхнулся, выпрямился. Левую ладонь пересекала глубокая кровавая полоса.

– Как это ты так? – Сотник заглянул ему через плечо.

– Кажется, об край желоба. – Морган вытер окровавленную руку о траву.

– Лихо мы начали, – Сотник покачал головой. – Явимся к Яриго все покоцанные: один с башкой разбитой, другой с рукой порезанной. Красавцы! Ладно, давай промоем твои боевые раны.

Он склонился над колодцем, Морган стал рядом. Колодцы еще с детства, с тех самых времен, когда каждое лето он проводил в деревне у деда, вызывали в нем особенное, не поддающееся анализу чувство страха перед неведомой глубиной и жгучим желанием узнать, что же там, на дне, и есть ли оно вообще. Оттуда, еще с далекого детства, в нем жила иррациональная уверенность в том, что колодцы бездонны.

– Ау! Э-ге-ге! – заорал Сотник, перевешиваясь через край колодца.

– Осторожно! – здоровой рукой Морган схватил его за пояс джинсов. – Еще кувыркнуешься туда. Давай ведро и отойди от греха подальше.

– Кувыркнусь, так выловишь. – Сотник пристроил ведро на краю колодца. – Смотри, какой он широкий...

Колодец и в самом деле был широкий, метра два в диаметре. И вода, отливавшая черным, стояла высоко. Кажется, только руку протяни – зачерпнешь пригоршню. На зеркальной глади, как крошечные кораблики, плавали листья. Морган перебросил через левую руку цепь, столкнул ведро вниз. В недрах колодца гулко ухнуло, в образовавшемся после падения ведра водовороте беспомощно закружились листья-кораблики, один за другим исчезая в глубине. Следом за ними, звено за звеном, исчезала колодезная цепь, как будто ведро наполнялось не водой, а камнями.

– А чего это оно? – спросил Сотник, растерянно наблюдая, как змеится через край колодца ржавая цепь.

– А кто его знает. – Правой рукой Морган поймал цепь, остановив, казалось, бесконечное погружение.

– Какая же у него глубина? – Сотник поскреб пробивающуюся, несмотря на утренний марафет, щетину. – Смотри, какая длиннющая. – Он пнул ногой змеей свернувшуюся в траве цепь. – Вода ведь высоко, зачем же?..

– Может, уходит? – предположил Морган, здоровой рукой поудобнее перехватывая натянувшуюся цепь.

– Тут же озеро недалеко, значит, грунтовые воды должны быть близко к поверхности. Это же тебе не Сахара. Давай-ка я тебе помогу, а то одной рукой несподручно.

В тот самый момент, когда Сотник снова склонился над колодцем, цепь сначала натянулась, а потом резко дернулась, словно там, внизу, кто-то поймал ведро. Поймал и не желал отпускать...

– Что за черт! – Морган ухватился за цепь обеими руками, ногами уперся в рыхлую землю, потянул на себя.

– Зацепилось, наверное, – отчего-то шепотом сказал Сотник.

– Похоже на то, – Морган всмотрелся в темную воду колодца.

На мгновение, всего на какую-то долю секунды, ему показалось, что оттуда, со дна, за ним наблюдают. И не просто наблюдают, а сторожат, как добычу...

Цепь, уже было успокоившаяся, вдруг снова дернулась, заскользила вниз, сдирая кожу с ладоней. Наверное, если бы

не Сотник, вцепившийся Моргану в ремень, он полетел бы следом за ведром в эту вновь образовавшуюся воронку.

– Отпускай! – ворвался в уши хриплый бас Сотника. – Отпускай, к чертям собачьим, эту штуку!

Морган разжал онемевшие пальцы, склонился над колодезем, наблюдая, как убегает вниз перепачканная его кровью цепь.

– Что это было? – тылом руки Сотник вытер выступившую на лбу испарину.

– Ведро зацепилось...

У ног Моргана, словно живые, раскручивались кольца цепи. Раскручивались и исчезали в недрах колодца.

– Хрен тебе – зацепилось! – Сотник вытащил из кармана джинсов сигареты, прикурил. – Ведро кто-то тянул?

– Кто?! – Морган посмотрел на свою окровавленную ладонь. Кровь капала на землю, окрашивая красным траву.

– А и то верно! Кто бы ее там тянул! – Сотник с явным облегчением затащил сигаретой. – Показалось.

– Показалось, – Морган согласно кивнул. Всему должно быть рациональное объяснение. А если объяснения нет, значит, ничего и не было. Показалось...

Из ступора их вывел странный звук, доносящийся то ли из-под земли, то ли из колодца. Не то вой, не то гул. Оба они были храбрыми малыми, но к колодцу подходили с опаской, словно ждали еще какого-нибудь подвоха.

– Ты смотри! – Сотник уперся руками в край колодца. –

Это что еще за спецэффекты?

– Вода уходит...

Уровень воды в колодце и в самом деле неуклонно понижался, обнажая темные, склизкие стены. И этот звук... Теперь Морган понял, на что он похож. Как будто в огромной ванне выдернули пробку.

– А как такое может быть? – Сотник рассеянно жевал тлеющую сигарету. – В техническом смысле я имею в виду.

– Может, там какой-то люк внизу, – сказал Морган первое, что пришло в голову. – Или рычаг. Точно, рычаг! Наверное, ведро за него зацепилось, и механизм пришел в движение.

– И это говорит человек с высшим техническим образованием! – Сотник покачал головой. – Морган, какие рычаги?! Какие люки?! Это же самый обыкновенный деревенский колодец!

– Хорошо, а куда, по-твоему, уходит сейчас вода? – Морган не обиделся. Ему просто было интересно, как же на самом деле устроен этот колодец.

– В озеро, – сказал Сотник почти уверенно. – Наверное, этот колодец – часть какой-то дренажной или поливочной системы. Может, там, под землей, идет труба к озеру. И где-нибудь уже на выходе имеется что-то вроде заглушки. Заглушка открывается – уровень воды в колодце понижается.

– В таком случае вода в колодце должна быть не артезианской, а озерной.

– Так, может, она и озерная. Мы же ее не пили.

– А зачем нужна такая глубина? – Морган снова склонился над колодцем, заглянул в его теперь уже почти пустое нутро.

– Эй, есть там кто живой?! – заорал Сотник. – Водяной, ау!

– Ау... – эхом донеслось из колодца.

Колодезная цепь снова дернулась, начала медленно раскачиваться. Она раскачивалась, как маятник, а они с Сотником не могли оторвать взгляда от этого мерного, убаюкивающего движения.

Бом... Бом... Ведро глухо билось о каменные стены.

– Ау... – вторило ему эхо.

– А сейчас какие рычаги и заглушки? – спросил Морган, словно паутину, стряхивая навалившийся морок.

– А теперь сквозняк! – сказал Сотник и загасил о край колодца сигарету. – Или подводное течение, – добавил мрачно. – Поехали уже! Что нам тут... – Он сделал шаг от колодца и замер.

Было в этой его неподвижности, в удивленно, если не сказать испуганно, расширившихся зрачках что-то особенное, заставившее Моргана, стоявшего к нему вполоборота, резко обернуться.

...Девочка стояла в нескольких метрах от них. Невысокая, худенькая, в линялом, давно не стиранном сарафане, с распущенными по плечам, спутанными волосами, босоногая. Босоногая! Вот почему они не слышали ее приближе-

ния.

– Черт! Напугала! – отмер Сотник. – Откуда ты такая взялась?

– Тсс... – она поднесла к губам указательный палец. – Тише, не будите ее.

– Кого?

– Ее. – Девчонка не смотрела больше на них. Она не отводила взгляда от колодца. Привстала на цыпочки, вытянула худую шею, как будто хотела что-то увидеть, но боялась подойти ближе. Теперь, при более внимательном рассмотрении, стало ясно, что перед ними вовсе не девочка, а женщина лет сорока. По сеточке морщинок, по острым скулам и опущенным, с горестными складочками, уголкам губ. А взгляд... Взгляд у нее был плавающий, расфокусированный, как у наркоманки или душевнобольной. Деревенская дурочка – вот кто напугал их с Сотником едва ли не до дрожи в коленках.

– Как тебя зовут? – Морган сделал шаг ей навстречу, и женщина тут же испуганно попятилась. – Эй, не бойся, – он протянул руку, хотел успокоить, но добился противоположного эффекта.

– Ты... – дурочка обхватила себя за плечи, замотала головой. – У тебя кровь...

– Все нормально. – Он спрятал руку за спину, чтобы не травмировать ее и без того хрупкую психику. – Я просто поранился... о цепь... Так как тебя зовут? Ты не сказала.

– Ты ее разбудил, – дурочка продолжала пятиться, подол сарафана зацепился за торчащую из земли корягу, послышался треск рвущейся ткани. – Я надеялась, она больше не проснется, что ей хватило тогда... А ты пришел и все испортил. – Она сжала виски руками, тоненько, по-звериному, завыла.

– Дурдом какой-то, – сказал Морган вполголоса и бросил беспомощный взгляд на Сотника. – Они тут, похоже, все немного ку-ку.

– Так кого мы разбудили, уважаемая? – ласково поинтересовался Сотник. – Тут же нет никого. Видишь, какая благодать кругом: травка растет, птички поют.

– Вода ушла? – спросила дурочка совершенно нормальным голосом. – В колодце больше нет воды?

Она могла бы подойти и сама посмотреть, но не стала, настороженно стояла и ждала, когда они ответят.

– Там механизм какой-то в колодце? – вопросом на вопрос ответил Сотник. Как будто деревенская дурочка могла разбираться в механизмах. – Воду можно спустить в озеро?

– Значит, ушла. – Она поджала тонкие губы, крепко-крепко зажмурилась. – Нельзя было поить воду кровью, нельзя было ее будить. Она теперь голодная и злая... Теперь нужно снова колыбельную петь, чтобы она уснула. А я забыла... Я не помню ту колыбельную... Это плохо... Очень плохо...

Тут Морган был с ней полностью согласен: петь колыбельную колодезной воде, которая проснулась и голодная, – это

очень плохо, это диагноз.

– Все понятно, – он старался говорить спокойно, чтобы еще больше не растревожить эту несчастную. – Но мы же не знали, не думали, что так получится.

За их спинами вдруг послышался мелодичный перезвон колокольчика, из-за дерева вышла черная корова с белым пятном в виде звездочки на лбу. Корова мазнула по ним с Сотником равнодушным взглядом и неторопливо подошла к дурочке.

– Звездочка! – Она обхватила корову за шею, прижалась щекой к черной морде. – Видишь, как все плохо? Было хорошо, а стало совсем плохо.

– Ну, нам пора, – Сотник легонько толкнул Моргана в спину. – Мы поедем, хорошо?

– Далеко не уедете. – Дурочка не смотрела в их сторону, продолжала гладить свою корову. – Она вас теперь не отпустит.

– Ну, не отпустит так не отпустит! – покладисто согласился Сотник. – Как-нибудь разберемся, договоримся, если что.

– С ней нельзя договориться. Зря вы приехали, – дурочка вперила в них строгий, с укором, взгляд.

– Все, уважаемая, мы уезжаем! – Сотник взмахнул на прощание рукой, почти бегом бросился к джипу. – Морган, не тормози! – бросил он через плечо.

Но прежде чем последовать его примеру, Морган подошел к колодцу, склонился над зияющим, бог весть на какую глу-

бину уходящим вниз провалом. Вода плескалась теперь где-то далеко внизу, и оттуда же, снизу, в его лицо дохнуло холодом и сыростью. Повинуясь какому-то непонятному порыву, он подергал за цепь. Цепь поддалась неожиданно легко, наверное, ведро и в самом деле за что-то зацепилось, а потом и вовсе оторвалось. И воды он так и не попил...

* * *

Вместо того чтобы усесться за руль и свалить наконец из этого чертова сада, Морган снова направился к колодцу. Медом ему там, что ли, намазано? Сотник в нетерпении надавил на клаксон. В ответ испуганно замычала буренка этой ненормальной. Морган обернулся, махнул рукой.

– Весело начались выходные! – Он уселся на водительское сиденье, взял протянутые Сотником бумажные салфетки, стер с руки кровь, обмотал рану найденным в недрах бардачка носовым платком. – Чувствую себя Алисой в Зазеркалье.

– Просто мы с тобой – дети каменных джунглей, а тут все иначе, ближе к истокам, так сказать. – Сотник открутил крышку с пластиковой бутылки, сделал жадный глоток.

– Мне дай, – попросил Морган, включая зажигание.

– Тебе докторша не велела, – усмехнулся он.

– Докторша мне не указ, пусть лечит своих аборигенов, а я пить хочу. С колодцем у нас не сложилось...

Да, с колодцем у них не сложилось. Колодцы в этой глуши с придурью, чужаков поить отказываются. Сотник протянул другу бутылку с квасом. Морган в несколько жадных глотков опустошил ее на треть.

– Славный квасок! – сказал он, нажимая на педаль газа. – И холодный еще.

– Да, натурпродукт. Только ты теперь не лихачь. Ты теперь под градусом, – Сотник похлопал его по плечу.

Из сада выехали без приключений. Разве что однажды дорогу им перегородило стадо ленивых, неспешно обмахивающихся хвостами коров, да уже на подъезде к озеру повстречалась ватага дочерна загорелых ребятишек на великах. Здесь, на озере, все было по-другому. Здесь было светло и радостно, несмотря на жару, дышалось привольно, и Сотнику вдруг до зуда в ладонях захотелось на рыбалку.

Ничего, даст бог, заполучат они с Морганом заказ, и будет им счастье с рыбалкой, шашлыками и прочей дачной прелестью. О том, что и пахать им придется, как каторжным, он старался пока не думать. Впереди их ждало знакомство с Яриго и открывались вполне себе радужные бизнес-перспективы.

Ехать вдоль озера было одно удовольствие, дорога здесь была хоть и грунтовая, но хорошо укатанная. На берегу то тут, то там попадались отдыхающие, но не в том количестве, как это должно было быть в таком привольном для бездельников месте.

– Здесь налево, – велел Сотник, сверяясь с показаниями навигатора. – Вон, видишь домик под синей крышей? Это и есть хатка местного головы.

– Славная хатка, – хмыкнул Морган.

Хатка и в самом деле была славная. Двухэтажный дом стоял на самом берегу. Место было тихое, укромное, окруженное небольшим сосновым леском. На спускающемся к воде деревянном причале стояло раскладное кресло, в котором, наверное, хорошо сживать с баночкой холодного пива, любясь закатом. Сотник вздохнул.

– Когда я стану старым и богатым, – сказал он мечтательно, – непременно построю себе вот такую же хатку вот на таком же берегу. Чтобы проснулся, а перед глазами – озеро, спать ложился, а за окном – шорох волн. Чтобы причал собственный и обязательно банька. Что скажешь, Морган?

– Скучно, – друг пожал плечами. – Если уж копить бабки, так на домик у моря, чтобы все то же самое, но со вкусом соли.

– Нет в тебе романтики и верности родным местам, – покачал головой Сотник. – Где родился, там и пригодился. Сейчас за поворотом будет указатель, – сказал он без всякого перехода. – До дачного поселка остается чуть больше километра.

На Левый берег они въехали через каких-то несколько минут. Здесь, в противовес неокультуренному Правому, все было иначе. Грунтовка превратилась в качественную

асфальтовую дорогу. Дома вокруг были сплошь большими и красивыми, прятались за аккуратными заборами. Улицы сплошь были Рябиновыми и Садовыми. И даже пахло на Левом берегу чем-то особенным, аристократическим.

– Нам на улицу Озерную. – Сотник сверился со своими записями, глянул на навигатор. С прошлого их визита дачный поселок изменился, разросся. Да и въехали они в него не со стороны города, а со стороны деревни. Так что попробуй разберись, где тут дачка Яриго. – Сейчас налево, а потом все время прямо. Это, так сказать, первая линия, домики здесь самые крутые, с видом на озеро. Видишь вон ту башенку с флюгером? – он ткнул пальцем в лобовое стекло. – Это и есть теремок Яриго. Приехали, дорогой мой человек!

– Я уже и не чаял, – Морган саркастически хмыкнул. – В следующий раз поедем напрямую, безо всяких экскурсий и аттракционов.

– Как скажешь, – Сотник потянулся, похлопал себя по животу. – Что-то проголодался я из-за этих погонь и треволнений. Как думаешь, нам хоть бутербродов дадут? До ужина еще далеко.

– Скоро узнаем. – Морган остановил джип перед красивыми коваными воротами, посигналил.

Долгое время к воротам никто не подходил, и Сотник уже собирался искать запасные пути, когда на дорожке, идущей от утопающего в зелени дома, появился упитанный мужичок в испачканных землей штанах, панаме и резиновых перчат-

ках.

– Бегу-бегу! – Мужичок приветственно махнул им рукой, принялся возиться с замком. – Вы уж извините, бога ради, молодые люди, музыка громко играла, а я что-то в последнее время стал туговат на ухо. Еле слышал. – Наконец он справился с замком, гостеприимно распахнул ворота. – Милости просим! Поезжайте сейчас прямо, там увидите стоянку для машин, а я с воротами разберусь и приду. Система уж больно мудреная, с кодовым замком, – проворчал он, уже ни к кому не обращаясь. – В мое-то время и засова хватало.

Стоянку они нашли без проблем. Здесь под ярким солнцем уже дремали белоснежный «Бентли» и черный, нагло поблескивающий хромом «Майбах».

– А хорошая у Яриго конюшня! – Сотник огладил восхищенным взглядом бок «Майбаха». Лошадок выбирает правильных, даром что русофил.

Они выбирались из джипа, когда на площадку, задыхаясь от быстрой ходьбы, обмахиваясь панамой, подошел давешний дядька.

– Забыл представиться, молодые люди! Вениамин Петрович Бореяша. Не скажу, что заядлый дачник, но истовый любитель здешних чудесных мест и с недавних пор сосед Власа Палыча по даче. Я тут поблизости проживаю. Решил, понимаете ли, что, вдохнув сей дивный воздух, моя коварная муза наконец ко мне вернется.

– Так вы писатель? – спросил Сотник, который, признать-

ся, принял Вениамина Петровича за садовника.

– Литератор, – Борейша скромно улыбнулся. – Не из самых маститых, но из тех... широко известных в узких кругах. Я пишу детективы. А вы, наверное, приняли меня за садовника! – Он хитро улыбнулся, и его круглое, гладко выбритое лицо с маленькими глазками стало похоже на блин. – Понимаю. Имею одну, но пламенную страсть, помимо книгописания, разумеется. Люблю розы! А у Власа Палыча розарий – просто мечта! У него есть «Комт де Шамбор».

– Звучит как название вина, – улыбнулся Морган.

– Это даже лучше, чем вино, юноша! Это портлендская роза. И таких роз тут десятки. Я просто не мог пройти мимо, не мог не поучаствовать. – Борейша посмотрел на свои перепачканные землей руки. – Не совсем бескорыстно, как вы понимаете, кое-какие экземпляры с позволения хозяина прикармливаю. Конечно, не сезон, но, как говорится, охота пуще неволи. – Он вдруг замолчал, снизу вверх посмотрел на них с Морганом. – А вы, смею предположить, те самые молодые люди, которых Влас Палыч пригласил на выходные?

– Они самые, – Сотник, подивившись информированности литератора, протянул ему руку. – Алексей.

– Ах, простите! – Борейша сдернул с руки перчатку, ответил на рукопожатие.

– А я Станислав, – представился Морган. – Красиво тут.

– Это еще что! – писатель водрузил панаму обратно на лысеющую макушку. – Здесь красота рафинированная, вы-

холощенная. Вам бы побывать на Правом берегу. Вот там сила! Вот там настоящая мощь!

– А мы как раз с Правого берега. – Морган вежливо кивал в такт каждому сказанному писателем слову. – Провели разведку местности, прокатились через деревню, взглянули на старый сад.

– Деревня ничем особенным не выделяется, – Бореиша пожал плечами, – а вот сад – весьма интересное место. Вы уже видели колодец?

– Имели счастье. – Морган украдкой глянул на свою забинтованную руку.

– Да что же я вас держу на таком солнцепеке! – всполошился вдруг Бореиша. – Влас Палыч отлучился по делам в город, просил принять вас как родных, разместить, покормить.

Покормить! Сотник подмигнул Моргану. Значит, голодными им до вечера не ходить. Это уже хорошо. Покушать Сотник любил еще с малолетства. Оттого и наел сто двадцать кило живого веса. Но не жира – боже упаси! – а чистейших, закаленных в качалке мышц.

Вслед за без умолку болтающим литератором они вошли в дом, пересекли просторный холл, поднялись на второй этаж в комнату для гостей. Комната была большая, с отдельным санузлом и выходом на широкий балкон, по периметру опоясывающий весь дом.

– Ну, приводите себя в порядок, – Бореиша посмотрел

сначала на заклеенный лоб Сотника, потом на забинтованную руку Моргана, – а минут через двадцать спускайтесь вниз. Я отведу вас на кухню. Кстати, в ванной имеется аптечка со всем необходимым, – добавил он с многозначительной улыбкой.

– Это мы попали в небольшую аварию, – счел нужным объяснить Сотник. – Ничего серьезного – легкие царапины.

– Эх, молодость! – сказал Борейша то ли с упреком, то ли с завистью. – Все-то вы спешите! Все-то торопитесь жить! Ну да ладно, не буду читать вам нотаций, не мое это дело. Жду вас в холле. – Он махнул рукой и вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

На то, чтобы умыться, обработать перекисью и забинтовать руку Моргана, у них ушло не больше десяти минут. А еще через десять они уже были в холле. За это время Борейша успел переодеться в рубашку с короткими рукавами, льняные брюки и легкие сандалии. Выглядел он теперь вполне презентабельно, если не сказать импозантно.

– Ну, идемте же! – Он в нетерпении потер руки. – Познакомлю вас с Валентиной, кудесницей, каких поискать. Куличи печет – пальчики оближешь. А холодец!.. – В гастрономическом экстазе он закатил глаза. – Вы непременно должны попробовать Валечкин холодец. С домашним хреном, скажу я вам, это песня!

Он толкнул тяжелую дверь, посторонился, пропуская их с Морганом в просторную, залитую солнечным светом кухню.

– Слышала я ваши дифирамбы, Вениамин Петрович, – стоявшая у плиты худенькая женщина лет пятидесяти весело улыбнулась. – Щедры вы на похвалы.

– А как же вас не хвалить, Валечка! – Борейша прижал руку к сердцу, изобразил на лице почти любовное томление. – Как же не хвалить, если вы богиня! Кулинарная муза! Вот привел к вам неофитов, – он кивнул на них с Морганом. – Уверен, отведав вашей стряпни, они тут же примкнут к корте ваших поклонников.

– Мы уже примкнули. – Сотник вдохнул аромат жареного мяса, и в желудке его громко заурчало.

– Добрый день, ребята! – Валентина улыбнулась по-домашнему, светло и уютно. – Не стойте на пороге. Прошу к столу!

* * *

Борейша не соврал, когда нахваливал стряпню Валентины. Наелись они с Сотником так, что едва выползли из-за стола. В холостяцкой их жизни домашние обеды случались крайне редко, разве только во время нечастых визитов к родителям.

За обедом они узнали от Валентины, что на ужин приглашены еще пять гостей, все до единого милейшие и приятнейшие люди. Что накрыть стол хозяин распорядился во дворе, на лоне природы. Что будет все по-простому, по-домашне-

му, потому что ожидаются только свои. Это «только свои» Моргана особенно обнадежило. Было бы неплохо, чтобы и их Яриго записал в число «своих». Настораживало лишь одно: сам хозяин обещал быть только лишь к ужину, неотложные дела не отпускали его из города раньше. Когда же в таком случае им удастся поговорить с Яриго о животрепещущем, о предстоящем сотрудничестве?

– Не переживай, Морган, такие люди, как Яриго, в первую очередь думают именно о деле и только потом о потехе. – Сотник растянулся на широкой кровати, зевнул. – Раз позвал нас, значит, все будет. Ты, главное, не форсируй события, расслабься, дорогой мой человек.

И они расслабились. После сытного обеда в кондиционированной прохладе гостевой комнаты захотелось отдаться в объятья Морфея. Сотник уснул первым, сунул сложенные лодочкой ладони под щеку и почти мгновенно отключился. Морган, прежде чем заснуть, немного повозился, устраиваясь поудобнее, но тоже незаметно соскользнул в сон.

...Скольжение это не было плавным, вниз, в непроглядную глубину, он спускался рывками, обвязанный грубой веревкой, напуганный до полусмерти. Раскинутые в стороны руки касались в темноте скользких и холодных стен, а ноги не касались ничего. Ноги беспомощно болтались в воздухе. И оттого, что тело не чувствовало опоры, становилось все страшнее. Наверное, поэтому он с таким отчаянием хватался за невидимые стены, обламывая ногти, в кровь сдирая кожу

с ладоней, почти не чувствуя боли, мечтая лишь об одном – чтобы прекратилось наконец это скольжение в никуда. Он пытался кричать, но крик застревал в горле, превращаясь в придушенный хрип, а потом босых ступней коснулся обжигающий холод, и он закричал во весь голос...

– ...Морган! Морган, да проснись ты!

Кто-то тряс его за плечи, вышибая остатки пахнущего гнилью и сыростью кошмара. Он еще не проснулся окончательно, но уже был благодарен этому милосердному «кому-то», выдергивающему его из крошечной тьмы обратно к свету.

– Морган!

Увесистая затрещина окончательно привела его в чувство. Он рывком сел, замотал головой.

– Ты чего это орал как резаный? – рядом тяжело опустился Сотник. – Я спросонья чуть не помер от страха. Приснилось что?

– Приснилось, – Морган кивнул. – Ерунда какая-то. Даже не помню, что именно. – Он провел ладонью по влажному от пота лицу, растерянно посмотрел на пропитавшуюся кровью повязку. Наверное, рана открылась и закровила.

– Ох, сдается мне, придется шить, – Сотник внимательно посмотрел на его руку. – Будет повод пообщаться с докторшей.

– Не хочу я с ней общаться. – Морган встал, направился в ванную.

Прохладный душ окончательно вернул его к жизни, смыл кровь и остатки кошмара. Что же ему снилось? Куда он спустился?

Морган насухо вытерся, наложил свежую повязку. Рана, вопреки опасениям Сотника, выглядела нормально. Ничего зашивать не нужно, все само собой рассосется. Сейчас нужно думать не об этой ерунде, а о предстоящей встрече с Яриго.

Вечер наступил неожиданно быстро. Когда они с Сотником вышли из дома, до ужина оставалось совсем ничего. Времени хватило лишь на то, чтобы обозреть окрестности до прихода остальных гостей. Но и обозреть окрестности им не дали. Стоило только выйти на крыльцо, как Сотника окликнули. Ребята синхронно обернулись на знакомый голос и так же синхронно улыбнулись.

Широко шагая и размахивая длинными, как плети, руками, к ним спешил Димка Савельев, профессор русской словесности. С прошлой их встречи в профессоре мало что изменилось. Разве что растянутую футболку он сменил на расшитую косоворотку. С вытертыми джинсами косоворотка смотрелась эклектично, как деликатно выразился Сотник. Серьга в ухе, стянутые в хвост волосы и отрешенно-мечтательное выражение лица остались прежними.

– Друзья! – Савельев раскинул руки-плети и заключил их в неожиданно крепкие для его комплекции объятия. – Рад, что выбрали в нашу глушь! – Он покосился на дом, пони-

зил голос до шепота: – Тоска здесь смертная, кругом одни старики. Скоро сам мхом покроюсь.

– А я все слышал, любезный Дмитрий Олегович. – Кусты, которыми была обсажена дорожка, вдруг затрещали, являя миру литератора Борейшу.

Литератор окинул их снисходительно-насмешливым взглядом, в котором отчетливо читалось: «Эх, молодежь, молодежь!»

– Так разве же я про вас, Вениамин Петрович?! – Застигнутый врасплох Савельев, кажется, нисколько не смутился. – Ваше появление здесь для меня как свет в оконце. С кем бы еще я поговорил о насущном, о наболевшем! Кому, как не писателю, понять томление моей души!

– Горазды вы, Дмитрий Олегович, сиропствовать. Что ни слово, то бальзам на стариковскую душу, – Борейша усмехнулся, погрозил Савельеву пальцем. – Ладно уж, не стану принимать вашу давешнюю сентенцию про замшелых стариков на свой счет и Власу Палычу не скажу, – он хитро прищурился.

– Вы нам лучше расскажите, Вениамин Петрович, кого в кустах караулили? – улыбнулся Савельев.

– А кого мне караулить? – Борейша пожал плечами. – Шел себе кратчайшей дорогой от своего дома к этому, – он кивнул на особняк Яриго, а потом пояснил ничего не понимающим Ситнику и Моргану: – Дома наши с Власом Палычем хоть и соседствуют, но вот незадача – выходят на разные ули-

цы. А это, знаете ли, не слишком удобно. Чтобы попасть к соседу, нужно пройти почти километр.

– И как же вы решили эту проблему? – поинтересовался Морган.

– Проблема решается банально, дырой в заборе, – опередил Борейша Савельев. – Осталась еще с прежних времен. Влас Палыч хотел заложить, а потом передумал. Вот Вениамин Петрович и шастает туда-сюда.

– Так уж прямо и шастаю! – Борейша смахнул с брюк прилипшие к ним былинки. – Проникаю на территорию с ведома и добровольного согласия хозяина. А вы, Дима, мне просто завидуете, потому как с вашей стороны такой заповедной дыры в заборе нет, и вам приходится ходить через парадный вход, как простому обывателю. Никакой романтики! Никакого полета души!

Неизвестно, сколько бы еще они вот так препирались, если бы на дорожке не появились новые действующие лица: статная дама неопределенного возраста в сопровождении спортивного вида молодого человека.

– Агата Генриховна Литте изволили пожаловать, – понизив голос, сообщил Борейша. – Вдова генерала Литте. Но упаси вас боже обратиться к ней по отчеству. Только Агата! Видите, какая мадам? Выглядит немногим старше собственного сына. Генетика... – Он многозначительно улыбнулся.

– Помилуйте, какая генетика! – отмахнулся Савельев. – Пластическая хирургия – вот залог красоты и вечной моло-

дости нашей прекрасной вдовы. — Было в его тоне что-то едкое и злое, намекающее на непростые отношения с генеральшей.

— Агата! — Борейша взглянул на него с мимолетным укором, помахал рукой.

Прекрасная вдова чуть замедлила шаг, а потом ее красивое, напроць лишенное признаков возраста лицо расцветило улыбкой. Парень тоже улыбнулся, но скорее вежливо, чем приветливо.

— Вениамин Петрович, дорогой мой! Рада снова вас видеть! — Агата царственным жестом протянула ручку для лобзания. На среднем пальце хищно блеснул крупный рубин. — Как продвигается работа над новой книгой? Не теряю надежды дождаться ее завершения и прочесть наконец, что же такое вы придумали на сей раз. Обожаю детективы! — Она приветливо улыбнулась сначала Моргану, потом Сотнику, оставив без внимания профессора русской словесности.

— Здравствуйте, богиня! — Сотник, тот еще сердцеяд и дамский угодник, не сводил с вдовы восхищенного взгляда.

— Позвольте представить! Стас Морганский и Алексей Сотник! — Видимо, в отсутствие Яриго Борейша взял на себя обязанности хозяина дома. — Гости Власа Палыча и, если я правильно понял, его деловые партнеры. А это прекрасная Агата, — он послал генеральше воздушный поцелуй. — В сопровождении сына Глеба. — Молодой человек чуть иронично усмехнулся, пожал протянутые руки.

– Узнаю Власа, – Агата поправила сползшую с загорелых плеч пашмину. – Он любит окружать себя молодежью. Это так по-европейски.

– Приятно, что хоть кто-то записал меня в молодежь. – Борейша бросил быстрый взгляд на Савельева. – А то некоторые не видят больше моей молодецкой удали.

– Некоторые, дорогой мой Вениамин Петрович, глупы и недалёковидны, – сказала Агата с так диссонирующей с ее прежней приветливостью холодностью.

Почувствовав нарастающее напряжение, Борейша нарочито громко хлопнул в ладоши:

– Ну что же! Цвет сегодняшнего вечера, я имею в виду вас, о прекрасная Агата, здесь, а посему предлагаю пройти в сад, пригубить чего-нибудь охлаждающего в ожидании хозяина.

– А где же Влас? – в бархатном голосе Агаты послышалось едва различимое недовольство.

– Велел извиниться и целовать пальчики, обещал скоро быть. – Борейша посмотрел на часы. – Без четверти восемь, ждать осталось недолго.

Так, перебрасываясь вежливыми и ничего не значащими фразами, они прошли в сад. Этот сад тоже был яблоневым, но, в отличие от своего дикого собрата, казался нарядным и радостным. Стол был накрыт посреди изумрудно-зеленого газона. В сторонке стоял столик с напитками и закусками. К нему и увлек Борейша, деловито и очень сноровисто разливая по бокалам французское шампанское. Но отведать

шампанского они не успели: со стороны дома вдруг послышались громкие голоса.

– А вот и Влас Палыч собственной персоной, – сообщил Борейша. – И, надо думать, не один, а с Яковом Семеновичем.

– Хлебников, глава местного сельсовета, – шепотом пояснил Савельев. – Тот еще жук. Все у него вот тут, – он сжал кулак, – весь Правый берег.

Голоса, зычные, азартные, тем временем становились все громче, и через пару секунд на лужайку вышли двое весьма колоритных мужчин. Первый, крепкий, дородный, с широкими плечами и густой, хоть и совершенно седой шевелюрой, был одет в дорогой костюм, сидящий на нем с той элегантной небрежностью, которая выдает руку высококлассного портного. Верхняя пуговица сорочки была расстегнута, а узел галстука ослаблен. Левой рукой мужчина опирался на трость, а правой активно жестикулировал, споря о чем-то со своим визави, невысоким, лысым мужиком с вислыми казацкими усами. Одет мужик был по-совдэповски незатейливо, в черные брюки, сильно запылившиеся снизу, и белую рубаху с короткими рукавами. Рубаха была изрядно мятой, расходилась на упитанном пузе, норовила выбиться из-под потертого ремня. Под мышкой он держал потрепанный кожаный портфель, который то и дело поправлял свободной рукой.

– ...А я, Влас Палыч, продолжаю утверждать, что эти ваши доильные роботы русскому человеку без надобности. Где

это видано, чтобы коров роботы доили?!)

– В Голландии, дорогой мой Яков Семенович, – возражал седовласый, в котором Морган и Сотник сразу признали Яриго. – В Голландии коров доят именно роботы. Сканируют буренок, проводят химический анализ молока, а при необходимости даже помещают в карантин.

– А цена? – Хлебников хлопнул себя ладонью по лысине. – Да не окупятся ваши роботы ни в жизнь!

– Посмотрим, – сказал Яриго успокаивающим тоном и тут же улыбнулся замершим в ожидании гостям: – Друзья, простите великодушно за опоздание! Дела, будь они неладны! – он покаянно покачал головой. – Но готов искупить. Приложу к этому все усилия.

– Да вы и не опоздали вовсе, Влас. – Улыбка Агаты сделалась ослепительной, пашмина, словно невзначай, соскользнула с точеных плеч. – Но мы уже начали скучать, – добавила она как-то по-особенному интимно.

– Преступление! – Яриго порывисто шагнул ей навстречу, склонился в поцелуе над протянутой ручкой. – Такая прелестная дама не должна скучать. Агата, вы божественны!

– А вы, как обычно, весьма галантны. – Агата хотела было еще что-то добавить, но Яриго уже переключился на других гостей: пожал руку Глебу, по-свойски кивнул Савельеву и Борейше, а потом всем корпусом развернулся к ним с Сотником.

– До чего же приятно видеть в бизнесе молодых и хват-

ких! – его холеное, загорелое лицо расплылось в радушной улыбке. – Всегда говорил и не устану повторять: будущее за молодыми, а мы, старые зубры, если хотим удержаться на плаву, должны брать с них пример. Приветствую, ребята! – Его рукопожатие было по-медвежьи сильным, как будто таким образом он проверял их на крепость. Наверное, первый тест они прошли, потому что Яриго удовлетворенно кивнул, по-отечески похлопал каждого из них по плечу и тут же отмахнулся от благодарственной речи Сотника:

– Не нужно, Алексей! У нас тут все по-домашнему. Узкий круг, все свои. Без официоза и никому не нужного пафоса. Сегодня отдыхаем и веселимся, отринув все заботы. Считайте это моей стариковской блажью. А вот завтра, – он окинул их с Сотником испытывающим взглядом, – а вот завтра вам предстоит увидеть мою темную сторону.

– Влас, разве же у вас есть темная сторона? – спросила Агата очень серьезно, без доли женского кокетства.

– У каждого человека есть темная сторона, моя прекрасная Агата. Человеческая душа – это бездонный колодец. Никогда не узнать ни меры ее добродетели, ни меры ее подлости.

– Что-то вас на философию потянуло, Влас Палыч, – усмехнулся Хлебников. – Уж не с голодухи ли? – Он обвел страждущим взглядом накрытый стол. – Не пора ли нам наконец отдать должное таланту вашей Валентины?

Прежде чем ответить, Яриго на секунду задумался.

– Не хватает еще одной нимфы, – сказал с улыбкой.

– А эту нимфу вечно приходится догонять и ловить, – усмехнулся в усы Хлебников. – Такая вся деловая, фу-ты ну-ты! Особенно после вашего подарочка.

– Так это же не персонально ей подарочек, а всему коллективу.

– Ой, не смешите меня, Влас Палыч! Там того коллектива – три калеки. Марьяна одна за всех пашет.

– Вот потому, что одна за всех, я и принял такое решение. Участок у нее большой, пешком не находишься, – Яриго развел руками.

Морган с Сотником переглянулись. Вот, значит, какую нимфу ожидает хозяин вечеринки. Вот, значит, откуда у нее мотоцикл. Миллионер и меценат облагодетельствовал.

– А форма одежды у нее теперь какая из-за этого вашего подарочка? – продолжал бубнить Хлебников. – Я так понимаю, медичка должна быть как на картинке: халатик беленький, шапочка накрахмаленная, туфельки-чулочки. А Марьяна наша что? А Марьяна наша как пацанка: джинсы, куртка, боты на тракторном ходу. Бандит с большой дороги, а не доктор.

– А вот тут, Яков Семенович, я с вами не соглашусь. – Яриго смотрел поверх головы Хлебникова на дорожку, и улыбка у него сделалась что у того Чеширского кота. – Не всегда боты на тракторном ходу. Отнюдь...

Морган обернулся, уже зная, кого увидит.

По дорожке стремительным шагом, ловко балансируя на высоких каблуках, шла их давешняя знакомая, Марьяна Васильевна. И одета она была вовсе не в джинсы, а в элегантное коктейльное платье. И хвост свой распустила, и веснушки запудрила, а губы, наоборот, накрасила. Пожалуй, доведись им встретиться при других обстоятельствах, Морган не преми-нул бы за ней приударить, но в памяти еще был свеж недавний инцидент, и должного впечатления эта сельская красотка на него не произвела.

– Добрый вечер! – Марьяна помахала рукой, приветствуя сразу всю честную компанию. – Извините за опоздание.

Как успел заметить Морган, на ее появление все отреагировали по-разному. Глеб, до этого расслабленно-ленивый, подобрался, как тигр перед прыжком. Даже во взгляде его появилось что-то звериное. Его маменька появление еще одной нимфы проигнорировала. Оно и понятно: две нимфы на одной вечеринке – это уже явный дисбаланс. Савельев подружески улыбался, а Борейша смотрел на гостью с приветливым любопытством. И только Хлебников продолжал хмурить кустистые брови, но было очевидно, что неудовольствие его напускное, скорее для проформы и остратки.

– Прошу прощения, – Марьяна тем временем ступила на лужайку. – Попросила Ивана подвезти, а у него, как назло, «уазик» заглох на въезде в поселок. Пришлось дальше пешком...

Ишь, цаца какая! Пешком ей, видите ли, пришлось доби-

раться. А не нужно было каблучищи такие надевать!

Не то чтобы Морган злился, скорее так... злорадствовал. Кстати, интересно, кто такой этот Иван, у которого сломался «уазик»?

– Иван Полевкин, местный участковый, – Савельев словно прочел его мысли. – Славный, в общем-то, малый, но из этих... буквоедов. Очень педантичный. Я бы даже сказал, раздражающе педантичный.

– Это вы, Марьяна Васильевна, так деликатно намекаете, что Ивану пора менять транспортное средство? – усмехнулся Яриго, обнимая докторшу за плечи.

– Это я так деликатно намекаю, – Марьяна стрельнула взглядом в Хлебникова, – что дороги на Правом берегу такие, что даже «УАЗы» ломаются.

– Дороги! – простонал Хлебников. – А бюджет у меня, между прочим, не резиновый! Где я грошей наберусь на все ваши «хочу» и «надо»?! В детском саду вон крыша течет, а в школе мыши пол съели. Вот это проблемы почище ваших дорог. Я по ним, между прочим, тоже езжу, и ничего, жив, как видите! Дороги... – он еще раз раздраженно хмыкнул, поправил свой портфель.

– Господа, давайте не будем о грустном! – вмешался в разговор Бореиша. – Давайте же наконец воздадим должное кулинарному гению нашей прекрасной Валентины.

– А и то верно! Прошу к столу, господа! – Яриго обвел лужайку широким жестом.

Рассаживались долго. Моргану показалось, что почти каждый из гостей норовил оказаться поближе к хозяину. В итоге по правую руку Яриго уселся Хлебников, по левую – Агата. Глеб занял место рядом с матерью. Борейша пристроился возле Хлебникова, а Савельев, Марьяна и они с Сотником оказались на противоположном конце стола.

Позабыв о недавней размолвке, как истинный джентльмен, Морган придвинул Марьяне стул. Она вежливо кивнула в ответ, скользнула удивленным взглядом по забинтованной руке.

– Еще кого-то пытались научить Правилам дорожного движения? – спросила она не без ехидства.

– Поцарапался. – Он отвернулся, открешиваясь от дальнейших расспросов.

Ему повезло, Марьяна оказалась не из любопытных, потеряв к нему всякий интерес, она принялась за ужин. Аппетит у нее, надо сказать, был отменный. В отличие от Агаты, которая вяло жевала листик салата, Марьяна нажимала на мясо, чем вызвала явное одобрение Сотника, который терпеть не мог помешанных на диетах и фитнесе девиц.

– Любо-дорого посмотреть, – сказал он, с благостной улыбкой наблюдая, как девица разделяется со вторым по счету бифштексом.

– Вы об этом? – Марьяна поймала его взгляд, легонько постучала ножом по краю тарелки. – С утра во рту маковой росинки не было, даже кофе попить не успела.

– Вы такой трудоголик? – вежливо поинтересовался Морган.

– Я не трудоголик, я единственный на всю округу врач. И рабочий день у меня, к сожалению, ненормированный. Бывает, с утра до вечера просидишь в амбулатории, поплеывая в потолок, а бывает, и не присядешь до ночи.

На его, в общем-то, ехидный вопрос она отвечала так серьезно и так обстоятельно, что сразу стало понятно: работа для нее – святое. И Моргану в который уже раз за этот день стало неловко.

А разговоры за столом тем временем крутились вокруг местных проблем. Беседовали все больше Яриго и Хлебников, остальные слушали, кто внимательно, кто не очень. Морган старался не упустить ни одного сказанного слова. В неформальной беседе всегда можно узнать для себя что-нибудь полезное. Тем более что после спора о голландских роботах Яриго с Хлебниковым переключились на разговор о строительстве животноводческого комплекса. Чуть позже, после четвертого или пятого бокала виски речь зашла о менее интересных объектах, и Морган позволил себе слегка расслабиться.

– А что там у нас с новым зданием под больницу? – Яриго, сытый и слегка захмелевший, вальяжно откинулся на спинку стула.

– Отделочные работы идут полным ходом. – Хлебников нацепил на вилку маринованный огурчик, полюбовался им

секунду-другую и сунул в рот. – Строители работают не покладая рук.

– Строители работают не покладая рук на даче у Тарпищева. – Марьяна, которая до этого не вмешивалась в разговор старших, отложила вилку, с вызовом посмотрела на переставшего жевать Хлебникова. – Я заезжаю в новое здание каждый день, там только видимость работы. До обеда строители режутся в карты, а после обеда едут халтурить на Левый берег.

– Позвольте! – Яриго нахмурил брови, требовательно посмотрел на Хлебникова. – Как это понимать, Яков Семенович?

Прежде чем ответить, Хлебников бросил на Марьяну быстрый взгляд. И взгляд этот не предвещал ей ничего хорошего.

– Факты не проверены, – сказал он мрачно. – Тебе, Марьяна Васильевна, привиделось что-то.

– Ничего мне не привиделось! – Марьяна упрямо мотнула головой. – Бригадир этот ваш – настоящий призрак.

– Почему призрак? – удивился Яриго.

– Потому что неуловимый. Я уже устала за ним по всем берегам гоняться.

– А тебе, голуба моя, и не нужно за ним гоняться, – сказал Хлебников ласково. – Это не входит в твои обязанности. В твои обязанности входит уколы ставить и горчичники лепить. С бригадиром я как-нибудь сам разберусь, без сопли-

ВЫХ...

– Яков Семенович! – Марьяна уперлась локтями в стол. – Старое здание уже несколько лет на ладан дышит!

– Ну, несколько лет дышало и еще немного подышит!

– Сквозняки, сырость и грибок, – Марьяна говорила тихо, но твердо. – Проводка никудышная, того и гляди, случится пожар. Пол прогнил, с потолка прямо на головы пациентам сыплются куски штукатурки. Если к осени больница не переедет в новое здание, то ее можно закрывать. Я вообще не понимаю, куда смотрит районная санстанция...

– Марьяна Васильевна! – Лицо Хлебникова налилось нездоровым багрянцем. – Нашла ты время...

– А для таких серьезных вещей всякое время сгодится. – Яриго легонько хлопнул ладонью по столу. – Яков Семенович, мы такие деньги вкладываем в модернизацию больницы, а нашу работу, оказывается, саботируют.

– Да никто ничего не саботирует! – отмахнулся Хлебников. – Просто некоторые, – он бросил еще один хмурый взгляд на Марьяну, – лезут в дела, в которых ни черта не смыслят.

Марьяна хотела было что-то возразить, но в последний момент удержалась, лишь досадливо сжала под столом кулаки. Морган ее даже пожалел. Горячая голова, лезет в пекло поперек батьки, за что наверняка и получает от начальства.

– Возможно, Марьяна Васильевна и в самом деле не все правильно поняла, – сказал Яриго уже другим, более спо-

койным тоном. – Но с бригадиром вы все-таки побеседуйте, Яков Семенович.

– А какого же года старая больница? – спросил Морган, отвлекая внимание спорщиков на себя.

– А старая больница, – было видно, что и Хлебников рад сменить тему, – конца девятнадцатого века. – Бывшая усадьба графа Лемешева.

– Что-то мы не заметили никакой усадьбы, – оживился Сотник.

– А это потому, что усадьба находится не в самой деревне, а в яблонево́м саду, – пояснил Савельев.

– Сад мы тоже проезжали.

– Ага, значит, уже успели напиться впечатлениями? Граф Лемешев, говорят, был чудаковатым, любил уединение. Потому дом построил на отшибе и засадил все вокруг яблоневыми деревьями.

– Это те самые яблони? – удивился Морган.

– Конечно, нет! – взмахнул рукой Савельев. – Старые деревья постепенно умирали, их вырубали, а на их место сажали новые.

– Какой-то круговорот яблок в природе, – усмехнулся Сотник.

– Дань традициям. Раньше всех все устраивало, а как сейчас, не знаю. – Савельев вопросительно посмотрел на Хлебникова.

– Я пока тоже не знаю, – тот пожал плечами. – Есть кое-

какие наметки, но нужно сначала разобраться с более масштабными проектами. Сад постоит.

– Вот так он и стоит больше ста лет. – Савельев пригубил шампанское. – И знаете, что я вам скажу: пусть бы и еще сто лет стоял. Есть в нем что-то особенное, какая-то мрачная, готическая красота.

– На красоте нынче деньги не сделаешь, дорогой мой ученый муж. – Хлебников, уже окончательно пришедший в себя, покровительственно улыбнулся. – Да и какая там, к чертям собачьим, красота?! Один колодец чего стоит! Головная боль, а не красота.

– А что там с колодцем? – Морган украдкой посмотрел на свою забинтованную руку. – Мы видели его сегодня. Даже пытались из него напиться.

– Напиться? – Марьяна посмотрела на него с жалостью, как на дурачка.

– А какие проблемы, уважаемая? – Морган поморщился. – Насколько мне известно, колодцы как раз для этой цели и предназначены.

– Другие колодцы возможно, но не этот. – Если Марьяна и слышала сарказм в его голосе, то виду не показала. – В этом колодце вода не артезианская, а озерная.

– Все правильно, – поддержал ее Савельев, которому разговор про архитектурные достопримечательности старой усадьбы, похоже, нравился гораздо больше предыдущих полуделовых бесед. – Граф Лемешев выкопал его почти сразу

после постройки дома. Предполагается, что для полива будущего сада. Видели, он не совсем обычный, большого диаметра, довольно глубокий. Когда-то его закрывала очень красивая кованая решетка.

– А вот эта решетка и есть моя главная головная боль. – Хлебников промокнул блестящую от пота лысину льняной салфеткой. – Больше века продержалась, а потом, поди ж ты, понадобилась одному умнику.

– А зачем вообще нужна решетка? – спросил Морган.

– Для безопасности. – Хлебников отложил салфетку. – Я же говорю, сплошная морока с этим колодцем. Точно медом он намазан для всяких психически неуравновешенных личностей. Не было года, чтобы кто-нибудь не попытался в колодец сигануть. И ведь сигали! – Он поднял указательный палец. – Кто от неразделенной любви, кто по пьяни, кто еще из-за какой дури. Вот ты, Марьяна Васильевна, не знаешь, наверное. – Он посмотрел на докторшу. – Задолго до твоего приезда это случилось, если мне не изменяет память, лет шесть-семь назад. Девчонка молодая в колодец упала. Митрич услышал посреди ночи женский крик, да пока оделся, пока из подсобки выбежал... Ничего не заметил. А ночью в саду хоть глаз выколи, такая темень. Решил, что молодежь шалит. Любят наши ребятишки это дело...

– Митрич – это кто? – спросил Савельев.

– Бывший больничный сторож, – пояснила Марьяна. В сгущающихся сумерках ее бледное лицо показалось Мор-

гану гипсовой маской. И тут же, словно ответом на его мысли, на улице зажглись фонари, разгоняя тени и тьму. — Говорят, он уехал в том же году.

— А теперь вот вернулся, — хмыкнул Хлебников. — Покурлесил на чужбине сокол сизокрылый и вернулся. Месяц уже как. Я вообще диву даюсь, чего его черт дернул сорваться с насиженного места. Ведь жил же при больнице на всем готовом: и крыша над головой, и еда казенная, и сто граммов чистейшего спиртику наливал бывший врач-то. Он же своего за душой ничего не имел, потому как хоть и работающий, но пропойца горький. А тут, помню, раз — и в одночасье исчез в неизвестном направлении. Ищи-свищи... — Хлебников помолчал, а потом добавил с непонятной злостью: — Сейчас снова начнет байки свои рассказывать... про колодец.

— Я помню эту трагическую историю! — Литератор Бореиша подался вперед. В глазах его зажегся жадный огонь. — И девушку даже видел. Вот только запомнил, как ее нашли.

— Так Митрич и нашел. — Хлебников разлил по бокалам виски, себе плеснул водки. — Митрич был не дурак выпить. Той ночью, кстати, тоже был навеселе. Вот и решил, что примерещилось. А наутро решил проверить колодец. И нашел. Девушка оказалась дочкой одного из местных дачников, уехала на выходные на дачу. Тогда как раз майские праздники были, три выходных подряд. Ее бы и не хватились еще пару дней, если бы не он.

– И что с ней стало? – спросила Марьяна, понизив голос до шепота.

– Упала в колодец. – Хлебников одним глотком осушил свою рюмку водки, сунул в рот кусок ржаного хлеба. – Митрич сам к участковому с повинной пришел. Так, мол, и так – слышал я давеча тут в саду кое-что подозрительное. А у самого глазки бегают, губы дрожат, и рука грязной тряпицей замотана. – Хлебников сделал многозначительную паузу, дожидаясь реакции на свои слова.

– Рассказчик вы отличный, – выдохнул БореЙша. – Да не томите уже, Яков Семенович! Отчего же рука у вашего Митрича была забинтована? Я так понимаю, это важно.

– Вот и Иван, участковый наш, он тогда только начал у нас работать, тоже заинтересовался. «Снимай, – говорит, – повязку! Показывай, что у тебя там!» Митрич поломался, но тряпку свою размотал. А там вся рука распорота чем-то острым, рана красная, загноившаяся.

– А что же он, в больнице работавши, за медицинской помощью не обратился? – удивился БореЙша.

– Вот сразу видно, Вениамин Петрович, что вы пишете детективы! – Хлебников одобрительно кивнул. – Ухватываете самую суть! Потому и не обратился за помощью, что хотел скрыть свои темные делишки. Про решетку я вам тут рассказывал. Так вот Митрич это лихое действо первым и начал. Решил решетку спилить и сдать в лом, а когда спиливал, распорол по неосторожности или по пьяни руку. Вот и весь де-

тектив.

– Подождите, а как же девушка? Он ведь рассказал участковому про колодец? – не унимался Борейша.

– Рассказал. Там ее и нашли, на дне колодца. А глубина у этого колодца, я вам скажу, – Хлебников неопределенно развел руками, – нора в преисподнюю, а не колодец. Помню, здоровенным промышленным фонарем светили, чтобы дно разглядеть.

– Погодите! – перебил его Борейша. – Что же, колодец стоял пустой? Я думал, она утонула.

– Не утонула, а разбилась. Вода ушла из колодца незадолго до трагедии.

При этих словах Морган с Сотником снова переглянулись.

– А как же такое возможно? Как вообще устроен этот колодец? – задал Сотник интересовавший их обоих вопрос.

– Как устроен? – Хлебников подергал себя за ус. – Правильный вопрос. Да вот только без ста граммов здесь не разберешься.

– Так вы наливайте, Яков Семенович! – засуетился Борейша. – Уж больно занимательные истории вы рассказываете на ночь глядя.

– Господи! – Агата передернула плечами, словно от холода. – Да что же может быть интересного в этих ужасах?

– Так мы же сейчас не об ужасах, несравненная! – Борейша отсалютовал ей бокалом с виски. – Мы сейчас об архитектуре и технике.

– Скорее уж об их совокупности, – хмыкнул Хлебников. – Граф Лемешев был персоной неординарной. Долго жил за границей, много путешествовал по миру, познавал себя и окружающую действительность. А когда осел в наших краях, взялся свои познания воплощать в жизнь. Сначала построил дом. Дом как дом, без особых архитектурных затей. А потом занялся рытьем колодца. Зачем он ему был нужен, мне доподлинно неизвестно. Вроде как для полива. Но как по мне, так слишком уж мудрено для банальной оросительной системы. Как уже сказала Марьяна, вода в колодце не артезианская, а озерная. Сам колодец соединен с озером чем-то вроде каменной трубы. И где-то то ли в самом колодце, то ли в трубе имеется что-то вроде заслонки, с помощью которой можно регулировать уровень воды.

– Как регулировать? – в один голос спросили Морган с Сотником.

– А бог его знает как! – Хлебников пожал плечами. – Я и помню-то это все с детства, с уроков физики. Физичка у нас была, царствие ей небесное, светлого ума женщина. На примере вот этой графской конструкции рассказывала о сообщающихся сосудах. Даже, помню, в сад нас специально водила, показывала колодец.

– Так как же заслонка открывается? – нарушил воспоминания Хлебникова Сотник.

– По всей вероятности, есть какой-то механизм. Рычаг или рычаги. Как-то же раньше удавалось регулировать уро-

вень воды в колодце. Если посмотреть топографию той местности, то станет видно, что земля имеет наклон от озера в сторону графского дома. Наверное, в такой мудреной системе и была необходимость, но лично мне кажется, что все это обыкновенная блажь, попытка выделиться из толпы себе подобных мающихся бездельем аристократов. А механизм, наверное, давным-давно заржавел и пришел в негодность.

Морган с Сотником снова переглянулись. Теперь обоим стало понятно, отчего так странно вела себя вода в колодце. Механизм не сломался, а работал вполне исправно. Вот только где он находится и как им управлять?

– А что с девушкой? – В вечерней тишине голос Марьяны прозвучал неожиданно громко.

– Чтобы спуститься в колодец, пришлось вызывать спасателей со спецснаряжением. Девушка лежала на дне, мертвая. Но, помню, судебный медик говорил, что после падения она еще какое-то время была жива. Парализована, обездвижена, но жива. Вот так, – Хлебников вздохнул. – Такая молодая и так по-глупому, так бездарно обошлась с собственной жизнью.

– Вы думаете, она покончила жизнь самоубийством? – спросил Борейша, понизив голос едва ли не до шепота.

– А что еще думать? В крови нашли алкоголь и следы какого-то наркотика. Золотая молодежь, сами понимаете. Жить им, видите ли, скучно. Жить скучно, а умереть вот так, на дне колодца, выходит, весело. – Он снова потянулся за

бутылкой водки.

– И что же, она не кричала? Не звала никого на помощь? – спросил Морган, наблюдая за тем, как Хлебников щедро, до самых краев, наливает себе водки.

– Может, и звала, Митрич же что-то такое слышал. Да только место там глухое, а глубина колодца весьма внушительная. А может, повезло девочке, и она все это время была без сознания.

– Да уж, повезло! – хмыкнул Сотник. – Врагу не пожелаешь такого везения.

– А родителям какво? Говорят, мать, как узнала, что с дочкой случилось, за одну ночь поседела. – Хлебников опрокинул в себя водку, крикнул. – Отец, очень известный кардиохирург, после всего этого кошмара начал пить по-черному. Кстати, – он перевел мутный от выпитого взгляд на Яриго, – кстати, Влас Палыч, это как раз их участок вы купили.

– Да что вы говорите?! – изумился Яриго. – А я и не знал.

– Как все удивительно переплетено в этом мире, – Борейша скорбно покачал головой. – Помнится, в том году я первый раз снял дачу, даже успел познакомиться с отцом этой несчастной девочки. Кто бы мог подумать, что все так трагично закончится?

– А колодец тот я по новой приказал заварить, – сказал Хлебников. – Но вот незадача, красть решетки с тех пор продолжают исправно. Вот ведь люди... Надо плиту положить, чтобы уж наверняка.

– А что станет с графским домом, когда больница переедет в новое здание? – спросил Борейша. – Пойдет под снос?

– Отчего же под снос? – усмехнулся молчавший все это время Яриго. – Дом я планирую купить и отреставрировать. Я, знаете ли, любитель старины. А там и место чудесное. Возможно, – он глянул на разомлевшего Хлебникова, – Яков Семенович согласится отдать мне в аренду и яблоневый сад.

– Да зачем же вам эта морока? – лениво поинтересовался Хлебников. – Я же вам рассказал, какое это хлопотное место. То в колодец кто свалится, то в озере утонет, то на яблоне повесится...

– Яков Семенович, – Агата посмотрела на него с брезгливым раздражением, – да сколько же можно рассказывать нам эти мерзости?! – Она поежилась, натянула на плечи пашмину. – Я из-за этих ваших сказок ночью не усну. То утопленники, то висельники. Ужас...

– Так из песни слов не выкинешь, – Хлебников лениво махнул рукой. – И статистика – штука серьезная. За последние сто лет в саду этом погибло человек двадцать пять, если не больше. Точно я не скажу, точно никто не считал. А вы, Агата, не переживайте так, вы вон берите пример с Марьяны Васильевны. Она живет, почитай, в самом саду и ничего не боится.

– Вы живете в саду? – Морган с интересом посмотрел на докторшу.

– В больнице, – она равнодушно пожала плечами. – В од-

ном из флигелей.

– И вам не страшно?

– А чего мне бояться? – она улыбнулась Моргану, и в улыбке этой был вызов. – Что там такого особенного, в этом саду?

– Там колодец, – сказал Сотник, и в его глазах Морган увидел отражение своего собственного смутного беспокойства. – Там колодец хрен знает какой глубины, и решетки на нем нет.

– Засыпать, к чертовой матери! – Хлебников рубанул кулаком по столу. – Подогнать технику, завалить камнями.

– Ну как же завалить камнями?! – возмутился Борейша. – Это же своего рода культурный объект! Для чего-то же ведь был создан этот колодец. Есть в нем что-то сакральное. Вот был я прошлым летом в Стоунхендже...

– Стоунхендж! – замахал руками Хлебников. – Ну вы, Вениамин Петрович, и загнули! Нашли с чем сравнивать наше недоразумение! Поливочная система – вот что это такое. А Стоунхенджи – это у них там, в Англии. – Он икнул и продолжил заговорщицким тоном: – А я, между прочим, тоже в Англии бывал, перенимал их буржуйский опыт. И скажу я вам...

Дальше про буржуйский опыт было совсем неинтересно, вечер плавно и неумолимо покатился к своему логическому завершению.

Расходиться гости начали уже за полночь. Агата долго и

как-то по-особенному интимно прощалась с Яриго, а потом обвела остальных гостей царственным взглядом, прощально махнула рукой. Глеб попрощался со всеми с вежливой сдержанностью, подхватил мать под руку, увлек к воротам.

Борейша, раскланявшись и пожелав всем доброй ночи, шмыгнул в кусты. Наверняка решил сократить путь.

Хлебникова, уже изрядно пьяного, было решено оставить на ночь в доме в одной из гостевых комнат. Куда его и затащили Морган с Сотником. Хлебников пытался бузить, орал песни, требовал вернуть портфель с документами, но стоило лишь его лысой голове коснуться подушки, как он тут же отключился.

К тому моменту, как они снова спустились вниз, в саду оставался лишь Яриго.

– Спасибо, ребятки! – сказал он, доставая из портсигара сигареты и с удовольствием закуривая. – Яков Семенович – славный человек, но совершенно не умеет пить, начинает дебоширить, а вы, как я посмотрю, утомонили его довольно быстро. Не желаете? – он протянул им открытый портсигар.

– Спасибо, пытаемся бросить курить, – Морган вежливо улыбнулся, осмотрелся. – А где же Дмитрий и Марьяна Васильевна?

– Ушли, – Яриго благодушно улыбнулся. – Я предлагал девочке остаться, но она отказалась. Очень самостоятельная особа, я вам доложу.

– А как же?.. – Морган прикинул расстояние, разделявшее

Левый берег и старый сад.

— До выхода из поселка Дмитрий ее проводит, там есть остановка. — Яриго посмотрел на наручные часы. — Через полчаса будет проезжать рабочий автобус. Он забирает сельских жителей, которые допоздна работают на Левом берегу, останавливается как раз возле сада. А там напрямую минут пятнадцать ходу.

Морган с Сотником в который уже раз за этот вечер переглянулись. Действительно, такая мелочь — всего каких-то пятнадцать минут ходу по темному саду...

* * *

К вечеру ноги отекли, и туфли теперь немилосердно жали. Марьяна поморщилась. Как же она не любила обувь на высоком каблуке! Но ужин у Яриго обязывал. Пришлось позабыть на время о комфорте, влезть в узкое платье и неудобные туфли. Признаться, на этот ужин Марьяна возлагала большие надежды, но так и не поняла, удалось ли ей донести до Яриго свою мысль.

Из старого здания нужно переезжать как можно быстрее, пока кто-нибудь из персонала или пациентов не пострадал и дело не закончилось увечьем или еще чем похуже. Бабушку Сидоровну едва не зашибло куском отвалившейся от потолка штукатурки. А в столовой из-за неисправной проводки вчера случился пожар. Хорошо, что повариха тетя Аня в тот

момент была на боевом посту, позвала ее, Марьяну, и совместными усилиями им удалось ликвидировать возгорание. Да и мало ли было вот таких, на первый взгляд незначительных, но грозящих обрушиться лавиной мелочей? А Хлебникову что в лоб, что по лбу. Наверняка сам же и покрывает бригадира, потому что Тарпищев ходит у него в дружках. Может, стоило и об этом рассказать Яриго? Нет, пожалуй, это было бы похоже на клязу. И пусть Влас Палыч относится к ней с явной симпатией, но и с властью ругаться не хочется. А Хлебников еще не самый гадкий представитель чиновничьей братии. Кое-чего и от него можно добиться. Не мытьем, так катанием. Ведь кто, как не он, упросил Яриго оказать спонсорскую помощь в строительстве новой больницы! Правда, сегодняшний вечер показал, что Влас Палыч не был совсем уж бескорыстным, что в обмен на спонсорскую помощь ему зачем-то понадобился старый графский дом. А плевать! Ей до этого нет дела. Ей и своих проблем хватает...

Ночью на Левом берегу было тихо и благостно. На улицах горели фонари. Со стороны озера доносился едва слышный шелест волн. Марьяна запросто дошла бы до остановки сама и даже пробовала улизнуть незамеченной, пока эти два залетных сокола укладывали Хлебникова спать, но уйти, не попрощавшись с хозяином, было бы верхом бестактности, а Яриго заботливо навязал ей сопровождающего.

Не то чтобы Марьяне не нравился Дмитрий Савельев,

просто хотелось побыть наедине со своими мыслями. К счастью, профессор, наверное, уловив ее настрой, разговорами не докучал, поэтому до автобусной остановки они дошли почти в полном молчании. Здесь на скамейке под пластиковым навесом уже сидели три женщины. Все они вежливо поздоровались с Марьяной, окинули Дмитрия любопытными взглядами. Что поделатъ, в деревне врач – персoна известная, всегда на виду.

– Идите домой, Дима, – Марьяна легонько коснулась его руки. – Видите, я тут не одна. Ничего со мной не случится.

Он явно колебался, не хотел уходить, но она настояла. Ей не впервой возвращаться домой затемно. Вот если бы еще на ногах вместо чертовых туфель были кроссовки...

Автобус, пахнувший пылью и бензином «ЛАЗ», подошел, когда Дмитрий уже скрылся за поворотом. Заскрежетали, раскрываясь, старые двери. Марьяна вошла в салон, протянула водителю деньги и с облегчением уселась на свободное место. Ночью пассажиров в автобусе было совсем немного, можно было расслабиться. «ЛАЗ» еще не тронулся с места, а Марьяна уже закрыла глаза, прислонилась виском к прохладному стеклу. Было бы неплохо сбросить туфли, но попробуй потом натянуть их обратно. Лучше уж так... потерпеть.

Автобус дернулся, проехал метров сто, а потом снова замер, подбирая какого-то запоздалого пассажира. Марьяна не стала открывать глаза, даже когда соседнее сиденье скрипнуло под тяжестью опустившегося на него тела. От тела прият-

но пахло туалетной водой. Запах этот был ей смутно знаком.

– Разве так можно? – слышался над ухом уже не смутно, а явно знакомый голос.

– Что? – спросила Марьяна, не открывая глаз.

– Разве же можно девушке разгуливать ночью одной?

– Вы решили меня проводить? – Это было неприятно, уютно и совсем не входило в ее планы, но здравый смысл подсказывал, что отделаться от этого провожатого будет далеко не так просто, как от профессора.

– Если позволите, – слышался за ее спиной еще один, тоже знакомый голос.

Сопровождающих, оказывается, двое...

– А если не позволю? – спросила Марьяна и открыла глаза.

Тот, которого дружок-качок называл Морганом, сидел совсем близко и с беззастенчивым интересом изучал ее лицо. Встретившись с ней взглядом, он нисколько не смутился, наоборот – широко улыбнулся. Симпатичный, черноглазый, черноволосый, загорелый, он чем-то напоминал испанца. И это дурацкое прозвище – Морган, надо признать, ему шло.

– А если не позволите, мы все равно будем вас сопровождать. На расстоянии, – добавил он смиренно. – Чтобы не нарушать ваше личное пространство.

– После сегодняшнего рассказа господина Хлебникова мы просто обязаны это сделать, – добавил тот, кого Морган называл Сотником.

– Я не боюсь, – сказала Марьяна и попыталась пошевелить затекшими пальцами ног.

– Ни секунды в этом не сомневались, – усмехнулся Морган. – Но, видите ли, Марьяна Васильевна...

– Можно просто Марьяна.

– Очень приятно! В таком случае мы тоже просто Морган и просто Сотник. Так вот, видите ли, Марьяна, мы так воспитаны, что никак не можем позволить девушке бродить в одиночестве ночью по заброшенному саду.

– Вас хорошо воспитали. – Она улыбнулась уголками губ. – Только имейте в виду, этот рейс последний. Возвращаться на Левый берег вам придется пешком.

Этих двоих не напугала даже такая незавидная перспектива, наверное, они просто еще не слишком хорошо представляли здешние расстояния. Или, что более вероятно, рассчитывали на ее гостеприимство. Это они зря. Оставлять у себя случайных знакомых Марьяна не собиралась.

За окнами автобуса была почти кромешная тьма. В отличие от цивилизованного Левого берега, на Правом не горел ни один фонарь.

– Сад! – сообщил водитель, открывая переднюю дверь.

Марьяна встала, прошла к выходу, кожей чувствуя на себе любопытные взгляды сельчан. Завтра о том, что докторшу провожали ночью два каких-то залетных хлыща, будет известно всей округе. Иван наверняка расстроится, станет сначала злиться, а потом задаривать ее сорванными в чужих

палисадниках цветами. Если бы не сломался его верный «уазик», домой бы она возвращалась с Иваном, а не на своих двоих в компании едва знакомых парней. Но «уазик» сломался, и случилось то, что случилось. А эта ночь... она и в самом деле тяжелая. Во всех смыслах...

Поддерживаемая Морганом под локоток, Марьяна спрыгнула на грунтовку, чуть поморщилась от боли в ступнях. Следом, как медведь из берлоги, выбрался Сотник, махнул водителю на прощание рукой. Автобус чихнул и, обдав их облаком выхлопных газов, резво покатился в сторону деревни. Стоило лишь затихнуть вдали звуку мотора, как их со всех сторон обступила плотная, почти непроглядная темнота, а тишина вокруг сделалась едва ли не осязаемой. В этот момент, всего на какое-то мгновение, Марьяна порадовалась, что она не одна. А потом выглянула луна, посеребрив темные кроны старых яблонь, и сиюминутная слабость отступила.

– Нам сюда! – Она шагнула на едва различимую в лунном свете тропинку.

– Смелая вы, однако, барышня, – хмыкнул Сотник. – Тут и днем-то непролазные джунгли, а ночью так и вовсе черт ногу сломит.

– Черт ногу не сломит, если не станет сходить с тропинки, – сказала Марьяна, ныряя в густую тень деревьев.

Джунгли... А ведь в чем-то он прав. Марьяна до сих пор помнила первое впечатление, которое вызвал у нее старый

сад. Это было что-то неуловимое, не классифицируемое, на уровне инстинктов. Что-то вселяющее тревогу и необоснованную тоску. Или обоснованную?..

Тогда, почти год назад, Марьяна приказала себе не раскисать, списала все на нелегкий период адаптации. Ей, сто процентной горожанке, и в самом деле было тяжело. Деревенская жизнь казалась жизнью на другой планете, полной непонятного, а иногда и пугающего. И аборигены отнеслись к ней, как к пришельце из другого мира, настороженно и не особо приветливо. Ждали доктора, а приехала какая-то сопливая девчонка, какая-то расфуфыренная городская цаца. И пришлось приспосабливаться, приноравливаться к жизни на другой планете, в самом центре старого яблоневого сада. Пришлось завоевывать сначала доверие, а потом и любовь аборигенов, доказывать свою состоятельность и пригодность. Ей понадобилось несколько месяцев, чтобы стать здесь своей, но за эти несколько месяцев она, кажется, повзрослела на несколько лет.

Какое-то время они шли в полной тишине, а потом Сотник вдруг сказал:

- А ведь механизм до сих пор работает.
- Какой механизм? – Марьяна от неожиданности сбилась с шага.
- Тот самый, который спускает воду с колодца.
- Этого не может быть, – она покачала головой. – Все давно сломано.

– А как же ваш сторож спустил воду? – спросил Морган.

– Он не спускал. Вода ушла сама. – Марьяна поежилась. – А потом, когда тело... тело той девушки достали, колодец снова заполнился.

– Откуда вам знать, вас же здесь еще не было?

– Зато были все остальные, свидетели. Они рассказали, что колодец заполнился водой почти сразу. – Ей не хотелось об этом говорить. Не сейчас, не посреди непроглядной ночи. – Наверное, это был последний раз, когда механизм сработал. Случайно сработал, я думаю, – добавила она.

– Сегодня он тоже сработал, – сказал Морган.

– Что? – Марьяна замерла, обернулась к нему. В темноте его лицо казалось серым пятном, и это пугало.

– Сегодня днем мы хотели напиться из колодца. Мы рассказывали за ужином.

Да, что-то такое она припоминала. Они рассказывали...

– Но напиться нам не удалось. – Морган шагнул к ней, и серое пятно обрело наконец человеческие черты. – Как только мы сбросили в колодец ведро, вода начала уходить.

А ведь колодец совсем рядом. Если сейчас свернуть налево и пройти по вот этой тропинке...

– Эй, Марьяна, вы куда это? – Она уже шла к колодцу, когда услышала позади себя встревоженный голос Сотника.

– Хочу посмотреть. Убедиться.

– Обязательно ночью? То есть я хотел сказать, что ночью мы мало что сможем разглядеть. Если вам так уж хочется, то

можно прийти утром. Хотя, сказать по правде, я не слишком хорошо понимаю, что интересного в пустом колодце.

– Я могу пойти одна, – бросила она, не оборачиваясь, – если вы боитесь.

– Кто боится?! – в один голос спросили Морган с Сотником.

– Мы, барышня, ничего не боимся. – Морган поймал ее за руку. – И раз уж вам взбрело в голову прогуляться посреди ночи к колодцу, то, так уж и быть, мы вас проводим.

– Меня не нужно провожать, я могу сама... – Она не договорила, замерла, до боли в пальцах сжав кулаки. – Вы ее видите? – сказала шепотом.

– Кого? – также шепотом спросил Сотник.

– Женщину. – А это уже Морган, спокойный, чуть насмешливый. Бесстрашный.

Серый, едва различимый силуэт был почти незаметен в темноте. Почему все они разом решили, что это женщина? Марьяна не знала, но неумное любопытство и еще кое-что, в чем она боялась признаться самой себе, гнало ее вперед, к медленно отступающей в глубь сада фигуре.

– Подожди! – Морган не слишком вежливо дернул ее за руку. – Не так быстро. Еще свалишься куда.

– Я не свалюсь. – Она высвободилась. – Это возле колодца. Как раз того колодца, про который вы говорили.

– Значит, нас кто-то уже опередил, – буркнул Сотник.

– И я даже догадываюсь кто, – сказал Морган. – Слышите?

Из темноты доносилось едва различимое пение. Кажется, пение.

– Это дурочка, – Сотник вздохнул, как показалось Марьяне, с облегчением. – Ну, та, которая с коровой.

– Хаврошечка? – Марьяна остановилась.

– Не знаю, Хаврошечка она там или еще кто, но дамочка с явным приветом. С приветом и черной коровой, – добавил Сотник. – Грузила нас с Морганом сегодня у колодца, несла какую-то ахинею про то, что мы разбудили воду.

– Что вы разбудили? – Марьяна прищурилась, всматриваясь в темноту. Теперь женский силуэт был едва заметен, но голос... Голос, кажется, становился все отчетливее. Вот только был ли это голос Хаврошечки?

– Воду в колодце. Морган ее разбудил, когда сбросил в колодец ведро. А что за имя такое дурацкое – Хаврошечка?

– Это не имя, это прозвище. – Марьяна ускорила шаг. – Она живет при больнице, слабоумная, но безобидная. Помогает иногда на кухне, но большей частью пропадает в саду со своей коровой. Наверное, из-за коровы ее так и прозвали. Сказка такая есть «Крошечка-Хаврошечка». Помните?

– Очень смутно, – признался Морган. Он поравнялся с Марьяной и теперь шел рядом. На узкой тропинке места было мало и одному, так что ему приходилось брести по колено во влажной от росы траве. – Это колыбельная, мне кажется, – сказал он, понизив голос.

Да, теперь и Марьяна отчетливо это слышала – колыбель-

ная. Слов не разобрать, но мелодия такая... однозначная, грустная и призывная одновременно. Кто-то там, в темноте, пел колыбельную. В самом деле Хаврошечка?..

– Далеко? – спросил Морган.

– Что?

– Твой колодец.

– Он не мой. Мы почти пришли.

Темнота вдруг изменилась. К звукам колыбельной добавился еще один, странный, непонятный звук.

Ветер. Ветер, которого раньше не было...

И старые деревья, со стоном скребущие вислыми ветвями землю...

А еще стук. Размеренное, гулкое «бом-бом». Как удары колокола...

– Что это? – Впервые Марьяне расхотелось идти вперед, узнавать, кто там, в темноте. Что там...

– Ведро, – совершенно спокойным, даже каким-то будничным тоном сказал Морган. – Мы уже слышали это днем. Ведро бьется о стенки колодца.

Ведро бьется о стенки колодца... а она подумала бог весть что. Почти поверила во всю эту чушь...

– А вот, кажется, и наша Хаврошечка. – Сотник поравнялся с ними и встал по левую руку от Марьяны.

Серая тень. Едва различимая в мутном свете луны. Точно женщина, вот только какая?

Стоит у колодца, опершись руками на край, смотрит вниз.

И голос ее теперь усилен эхом. Красивый. Невыносимо красивый...

– Эй, уважаемая! – Сотник стоит на месте, и по его грубому, простоватому лицу видно – идти туда, к колодцу, ему не хочется. Так же, как и ей самой. – Уважаемая, а что это вы на ночь глядя делаете в таком глухом месте? И где ваша...

Он хотел сказать «корова» – Марьяна это поняла каким-то обострившимся внутренним чутьем, – но не сказал, замер с открытым ртом.

Женщина, серый силуэт на фоне темноты, словно их и не слышала. А может, и не слышала. Женщина была занята чем-то очень важным, чем-то, что не позволяло ей отвлекаться на такие пустяки.

Скрежет веток о землю, развевающиеся по ветру серые одежды – и вот она уже не возле колодца, а на самом его краю. Стоит, балансируя, как канатоходец, пошатываясь, то ли от ветра, то ли от слабости, раскинув в стороны руки.

– Эй! Ты что надумала?! Стой, погоди! – Морган бросается вперед, забыв отпустить руку Марьяны, силой волоча ее за собой. – Осторожно!

Они бегут в непроглядной темноте. Трава оплетает их ноги, не пускает. Ветки деревьев, те самые, что скребли землю, стремятся ухватить за волосы, не подпустить к колодцу, к женщине, балансирующей на его краю.

– Охренеть... – Сотник задыхается от быстрого бега. И боится. Теперь, когда все чувства обострены до предела, Ма-

рьяна ощущает их страх, как свой. – Морган, мы не успеем.
...И они не успели.

Песня, колыбельная, которая не может успокоить и усыпить, которая может лишь одно – приблизить к смерти, замирает, обрывается на самой высокой ноте. Тонкие руки безвольно опускаются. Ветра больше нет, а есть тишина. И набатный бой, доносящийся из недр старого колодца.

Бом...

Бом...

Бом...

Прежде чем прыгнуть в колодец, навсегда попрощаться с этим миром, женщина оборачивается, смотрит на Марьяну.

Ее лицо... Вспышка света в крошечной темноте. Такая яркая, что больно смотреть и больно жить.

А еще крик – громкий, пронзительный, нечеловеческий, рождающий ветер...

* * *

Жизнь Моргана была устроена так, что редко выходила из-под контроля. А точнее, почти никогда не выходила. С раннего детства он научился контролировать если не обстоятельства, то хотя бы свое отношение к ним. Но сейчас, в этом старом саду, в призрачном свете луны, все летело в тартарары: и его самообладание, и обстоятельства, и женщина, собирающаяся спрыгнуть в колодец.

Он понял это сразу, потому что других вариантов просто не было. Если кто-то посреди ночи забрался на бортик колодца, если этот кто-то болен душой и видит мир в сером цвете, другого исхода не может и быть. Но он должен попробовать, должен попытаться ее остановить! Даже если понимает, видит с ясной отчетливостью, что сделать ничего невозможно, колесики неизбежности уже запущены.

Хаврошечка... Такое смешное имя и такая нелепая, неправильная смерть. Такая же неправильная, как женщина на краю колодца, как сам колодец и окружающие его со всех сторон старые деревья.

Перед тем как уйти, спрыгнуть вниз, женщина обернулась. Хаврошечка... Черные, без белков, глаза, горькие складочки в уголках губ, улыбка...

Разве можно улыбаться перед смертью?! Перед такой страшной, такой темной смертью...

В тот самый момент, когда женщина рухнула вниз, дико, по-звериному закричала Марьяна. Забилась, заметалась. Если бы Морган не держал ее за руку, упала бы, непременно упала. Она уже падала, медленно оседала на землю, не обращая внимания на Моргана, не отводя взгляда с колодца.

– О господи... – Голос Сотника похож на стариковский хрип. – Морган, ты видел?.. Она же того... Она же туда...

– Видел. – Он позволил Марьяне соскользнуть на землю, привалил спиной к шершавому яблоневоу стволу, медленно, непростительно медленно для сложившейся ситуации

подошел к колодцу, заглянул в его черную, бездонную глубину. – Эй! – крикнул, понимая, что та, кому предназначался его крик, больше никогда никого не услышит.

Рядом, дыша тяжело, со свистом, как недавний мальчишка-астматик, встал Сотник.

– Все... конец. – Он тоже смотрел вниз, в заканчивающийся тьмой тоннель. – Зачем она? А, Морган? Какого хрена?!

Он не знал. Как можно понять, почему человек решает переступить самую последнюю, самую опасную черту! Она просто решила, просто забралась на бортик колодца и просто прыгнула вниз. Как та девочка, про которую рассказывал Хлебников...

– А может, еще не все? Может, там не очень глубоко?

– Кого ты хочешь обмануть, Сотник? Мы были тут днем, мы видели, какая здесь глубина. Если бы колодец был полон, тогда возможно...

– Она там? – Они не заметили, как к колодцу подошла Марьяна. Бледная, бледнее луны, которая снова выглянула из-за туч, с глазами на пол-лица, с безумием на дне зрачков. – Она там? Я вас спрашиваю! – Голос, осипший от крика, сорвался на визг. – Она жива?..

– Марьяна, отойди! – Морган обхватил ее за плечи, пытается отвести прочь от колодца, но она с неожиданной силой вцепилась в холодные камни, протестующе замотала головой. – Я ее видела! Слышите вы, Я ЕЕ ВИДЕЛА! Она смотрела на меня... Она хотела, чтобы я пошла с ней.

– Ты сдурела? – Сотник поверх ее головы посмотрел на Моргана. Во взгляде его было отчаяние. Морган его понимал: одна женщина мертва, вторая в состоянии шока. – Отойди от этого гребаного колодца! Мы сами разберемся!

– Вы разберетесь? – Безумие в глазах Марьяны набирало силы, грозилось выплеснуться наружу. – Разве с этим можно разобраться?

– Мы попробуем. – Морган старался говорить мягко, точно так же, как еще днем разговаривал с дурочкой-Хаврошечкой. Еще живой Хаврошечкой...

– Я должна видеть. – Она так и не разжала пальцы, цеплялась за край колодца, как утопающий цепляется за спасательный круг. – Дайте мне самой убедиться.

– Смотри. – Морган обхватил ее за талию, крепко, чтобы не вырвалась, если вдруг решится совершить какую-нибудь глупость. – Смотри, ничего не видно.

Марьяна перегнулась через край колодца, и стоявший рядом с ней Сотник глубоко, со свистом, втянул в себя воздух.

– Я ее держу, – сказал Морган едва слышно, одними губами. – Все хорошо.

– Вы говорили, что колодец пустой. – Голос Марьяны эхом бился о стены колодца.

– Он пустой.

– Нет. Я слышу воду.

– Слышишь?..

– Чувствую. Если там есть вода, то, возможно... – Марья-

на схватилась за цепь. — Возможно, она еще жива!

— Там нет воды. — Морган крепче обхватил ее за талию. — Там нет воды, тебе показалось.

— Тише, — так же, как когда-то Хаврошечка, она приложила к губам указательный палец, и Морган испугался, что сейчас она скажет, что они разбудили воду... — Ты слышишь это?

Он прислушался. Мерный гул, поднимающийся, казалось, из самых недр земли. И плеск! Как будто там, на дне колодца, билась большая рыба. А может, не рыба... Может, Марьяна права и та несчастная не погибла?..

— Эй, Хаврошечка! — заорал он во все горло. — Ты там? Мы достанем тебя, слышишь? Хватайся за ведро!

— Морган... — Цепь в руках Марьяны дернулась, словно за нее и в самом деле кто-то схватился. — Морган, она там. Помоги мне!

— Отойди, не мешай! Сотник, иди сюда. — Морган разжал объятия, обеими руками ухватился за натянувшуюся цепь.

— Этого не может быть. — Сотник стер со лба пот, но просьбу выполнил.

Они тянули вдвоем, что было сил, до синих жил на висках, до розовых кругов перед глазами. То, что было там, внизу, весило, наверное, тонну, но они не собирались сдаваться. Если есть хоть один шанс, хоть какая-то надежда, что женщина жива...

— Не надо! — Сражаясь с цепью, они почти забыли про Ма-

рьяну. – Не надо! Не поднимайте это!

– Что? – Морган потряс головой, стряхивая с волос капли пота. – Все будет хорошо, мы вытащим ее, Марьяна!

– Ее там нет! Это не она. Отпустите, пожалуйста. Отпустите! – Ее крик потонул в яростном, нечеловеческом вопле. Цепь дернулась с такой силой, что Морган едва не рухнул в колодец. Его поймала Марьяна. Схватила за ремень так же, как днем хватал Сотник. – Отпусти, – сказала твердо, с какой-то маниакальной решительностью.

– Что-то мне все это не нравится, друг. – Сотник все еще держал цепь, но на его блестящем от пота лице читалось сомнение. – Она не может столько весить. Что бы там ни было, это не она.

– Да, – Морган разжал пальцы. – Это не она.

Они, все трое, стояли у колодца и смотрели, как мечется, исчезая в темноте, колодезная цепь, и прислушивались, к странному, набирающему силу звуку.

– Что это еще такое? – спросил Сотник.

– Это вода. Вода поднимается, – Марьяна сжала виски.

– Похоже на то, – сейчас Морган был с ней полностью согласен. – И поднимается она очень быстро.

Быстро! Вода поднималась не просто быстро, а стремительно, словно под напором. Они уже видели отсветы луны на ее маслянисто-черной поверхности.

– Не знаю, как вы, а мне что-то не хочется тут задерживаться, – буркнул Сотник.

Морган его понимал, все его инстинкты криком кричали, что то, что поднимается со дна колодца, опасно. И плевать, что там такое на самом деле.

– Уходим! – Он схватил Марьяну за руку, потянул прочь от колодца.

Сотнику повторять дважды не было нужды. Бросив последний взгляд на колодец, он почти бегом бросился прочь.

Они были метрах в десяти, когда это случилось, когда из колодца к черному небу взметнулся гигантский фонтан, заливая все вокруг холодной водой. Марьяна прижалась к Моргану, закрыла лицо руками, как маленькая. Это правильно, потому что от того, что случилось потом, Морган сам едва не заорал в голос.

Вместе с тугой струей воды к их ногам упало нечто огромное... Упало, забилось, заметалось, сминая высокую траву. Паника длилась всего мгновение, до тех пор, пока луна не осветила скупым серым светом это страшное нечто.

Рыбина. Огромная, замшелая, с мощным хвостом и вспарывающими землю плавниками... Древняя озерная жительница, каким-то непостижимым образом попавшая в садовый колодец...

– Что это за хрень?! – мокрый с ног до головы Сотник пришел в себя первый, шагнул к мечущейся рыбине.

– Ты же у нас рыбак, вот и расскажи, что это за хрень. – Морган посмотрел сначала на рыбину, потом на колодец. Вода больше не была фонтаном, а медленно, толчками, перели-

валась через край.

– Понятия не имею! – сказал Сотник, подходя к рыбине почти вплотную. – Я такое никогда раньше не видел. Смотрите, какая огромная! В ней же, наверное, центнер живого веса.

– Что она делала в колодце? – дрожащими руками Марьяна отжала с волос воду, посмотрела на Моргана.

– Заплыла, наверное, через трубу, – предположил он. – Из озера.

– Какого ж диаметра должна быть эта труба? – Сотник с восхищением разглядывал рыбу.

– Достаточно, чтобы по ней смогло проплыть такое чудище. – Морган восторг товарища не разделял. Рыба не вызвала в нем ничего кроме отвращения.

– Она не проплыла, она, наверное, застряла, – сказал Сотник. – А потом давлением воды ее вытолкнуло в колодец.

– И каким должно быть давление, чтобы сотворить такое? – спросила Марьяна, ни к кому конкретно не обращаясь. – И если... – она запнулась, а потом заговорила быстро, почти скороговоркой: – Если давление было достаточным, чтобы выбросить вот это... эту рыбину, то может быть...

– Нет, – твердо сказал Морган. – Женщина по-прежнему там. – Он посмотрел на Марьяну. – По-моему, пора звонить участковому.

– Зачем? – Марьяну била дрожь. То ли от холода, то ли от пережитого стресса. Наверное, по той же причине она не

слишком хорошо соображала.

– Затем, что эта ваша Хаврошечка прыгнула в колодец прямо у нас на глазах. Мы теперь свидетели самоубийства.

– Хаврошечка? Почему Хаврошечка?! – Марьяна посмотрела на него требовательно и зло одновременно. – При чем тут она?

– Сотник, – позвал Морган, – ты видел ее лицо?

– Видел, она же обернулась перед тем, как...

– Ты ее узнал?

– Эту дурочку? Узнал, кажется.

– Слышала? – Морган попытался обнять Марьяну за плечи, но она отстранилась, затрясла головой.

– И про колыбельную она нам сегодня как раз говорила. – Подобранной с земли веткой Сотник осторожно ткнул рыбину. Та дернулась, свернулась кольцом, вышибая палку из рук Сотника. – Ну и силища!

– Так мы звоним участковому? – спросил Морган. – У тебя есть номер его телефона?

– Есть, – Марьяна кивнула. Вид у нее был отстраненно-задумчивый, как будто она над чем-то усиленно размышляла. – Только в моем мобильном села батарейка, а по памяти я номер Ивана не воспроизведу. Давайте позвоним ему из больницы. Хорошо?

Предложение было здравым и очень своевременным. Остаться в этом чертовом месте дольше Моргану не хотелось.

– У тебя есть кофе? – спросил он.

– Есть, – Марьяна кивнула, взгляд ее был прикован к колодезю.

– А сигареты? – Сотник на секунду отвлекся от рыбы. – Или курить – здоровью вредить?

– И сигареты тоже есть. Ну пойдете уже!

– Подождите! – Сотник не спешил уходить. – А с этой что будем делать? – он кивнул на притихшую рыбу.

– А что с ней делать? – удивился Морган. – Хочешь из нее уху сварить?

– Да какая уха! Она же древняя, как мир! Жалко старушку, подохнет ведь. Надо ее того... обратно в колодец. Сюда приплыла, значит, и обратно дорогу найдет.

– Ага, если снова не застрянет. – Возиться с рыбиной у Моргана не было никакого желания. – Ты смотри, какая у нее пасть. Еще цапнет...

– И что, пусть теперь помирает?! Морган, будь человеком, помоги мне дотащить ее до колодца. Один я не справлюсь. Мы аккуратненько, чтобы не цапнула...

Морган тяжело вздохнул, подошел к другу. Вопреки опасениям, рыбина не особо сопротивлялась, когда они волокли ее обратно к колодезю, словно почувствовала, что обижать ее никто не станет. Вода больше не переливалась через край колодца, стояла ровно у бортика.

– Ну, отпускаем! – скомандовал Сотник и разжал руки. Морган последовал его примеру.

Мгновение рыба просто лежала в воде, а потом дернула хвостом и, обдав их на прощание веером брызг, ушла в глубину.

– Чувствую себя Емелей, – Морган вытер руки о траву. – Может, нужно было загадать желание?

– Может быть, и нужно было. – Сотник отошел от колодца.

– Теперь мы можем идти? – Марьяна стояла в сторонке, обхватив себя руками за плечи.

– Можем. – Морган хотел было взять ее под руку, но передумал. Пахло от них с Сотником так же, как от той замшелой рыбы.

Марьяна шла быстро, не оглядываясь, словно пытаясь убежать как можно дальше от колодца. Морган ее понимал. Было в случившемся что-то жуткое, неправильное. Конечно, в самоубийстве молодой женщины нет и не может быть ничего правильного, но было еще что-то, помимо этого. Что-то не столь очевидное, но заставляющее его, здорового мужика, опасливо оглядываться по сторонам. Наверное, из-за этой мрачной погруженности в собственные мысли Морган не сразу услышал звон колокольчика.

– Это еще что? – Сотник замедлил шаг.

Ответом ему стало тоскливое, с надрывом, мычание.

– Это Звездочка, Хаврошечкина корова. – Чем дальше они отходили от колодца, тем спокойнее и увереннее становилась Марьяна. – Обычно на ночь ее привязывают возле больницы, а сегодня, наверное, она отвязалась. Может, по-

чувствовала...

– ...Звездочка! Звездочка, где ты, проказница?! – От раздавшегося совсем рядом звонкого девичьего голоса у Моргана заледенело все внутри. И причиной тому была не холодная, противно липнущая к телу одежда, а самый обыкновенный страх.

– Ты тоже это слышал? – Во взгляде Сотника он видел отражение собственных чувств. – Это что еще такое?

– Это она, – сказала Марьяна шепотом.

– Кто – она?

– Хаврошечка...

Обсудить этот удивительный факт они не успели, потому что впереди затрещали кусты сирени, и на скупое освещенный пятачок сада вышла черная корова с белой звездой на лбу. Увидев их, корова снова замычала, затрясла башкой. Звон болтающегося на ее шее колокольчика сделался громким и настойчивым.

– Звездочка, ну погоди у меня! Я тебе сейчас покажу, как убегать! – Из тех же кустов сирени, на чем свет костеря корову, выбралась их давешняя знакомая Хаврошечка. Та самая Хаврошечка, которая на их глазах двадцать минут назад прыгнула в колодец...

– Ой... – Увидев их, дурочка испуганно прижала ладони к груди, попятилась, но, разглядев в темноте свою корову, осмелела, обхватила беглянку руками за шею. Было в этом жесте что-то по-детски трогательное, объясняющее и оправ-

дывающеее это ее сказочное прозвище.

– А я вас уже видела. – Прижимаясь щекой к коровьей морде, она поглядывала то на Моргана, то на Сотника.

– Мы тебя тоже, – прохрипел Сотник. – Как водичка?

– Какая водичка?

– Колодезная.

– Вы ошиблись, – Марьяна шагнула к Хаврошечке.

– Ой, Марьяна, и ты тут! – обрадовалась дурочка.

Они не могли ошибиться. Ладно бы поодиночке, но не оба сразу! Но факт оставался фактом: вот она, Хаврошечка, живая и невредимая. Кого же, в таком случае, они видели на краю колодца?

– А где это вы так промокли? – Хаврошечка коснулась Марьяниного плеча. – Купались, что ли?

– Не совсем. – Марьяна бросила предупреждающий взгляд на Моргана – не вмешивайся. – Это из-за колодца.

– Из-за колодца?... – В голосе Хаврошечки послышался страх.

– Да, из него вдруг вода полилась и нас замочила.

– Там не было воды, – Хаврошечка затрясла головой. Корова посмотрела на нее с удивлением, жалобно замычала. – Все из-за него! – указательный палец Хаврошечки уткнулся Моргану в грудь. – Это из-за него она проснулась. Она проснулась, и я теперь спать не могу, у меня теперь вот здесь, – Хаврошечка постучала себя по виску, – шепот! Она шепчет, хочет чего-то, а я понять никак не могу. Мне от это-

го больно!

– Хаврошечка! – Марьяна обхватила дурочку за плечи. – Тише, успокойся. Все хорошо.

– Нет, не хорошо! Хорошо было, когда она спала, а теперь она проснулась, и всем-всем будет плохо.

– Кто проснулся?

– Хозяйка. Хозяйка колодца. Ей грустно и еще скучно. Она же молодая совсем, моложе тебя. И она шепчет, все время шепчет... Я что-то должна сделать для нее... Я уже это делала однажды, но не помню... не могу вспомнить, потому что больно! – Хаврошечка зажала уши ладонями, зажмурилась, но говорить не перестала: – Я слова забыла. Мамка говорила, чтобы не забывала, чтобы перед сном вместо молитвы каждый вечер... А я забыла... Я же думала, что уже все, не нужно больше... закончилось все...

– Тише, – Марьяна сжала ее запястья, убрала руки от ушей. – У меня есть таблетки от головы, я тебе их...

Она не договорила, испуганно ахнула. На Хаврошечкиных ладонях была кровь, и из ушей сочились, пачкая сарафан, две черные струйки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.